

Мария Фир

Дорога мертвых

16+

Мария Фир
Дорога мёртвых. Том 2

«Автор»

2021

Фир М.

Дорога мёртвых. Том 2 / М. Фир — «Автор», 2021

Трир, город на краю света и последнее пристанище обладателей "проклятой крови", захвачен войсками Ордена инквизиции. На земле людей больше не осталось безопасного места для таких, как Лизабет Сандберг. Дорога мёртвых, тайный сумрачный путь, находится под угрозой разрушения. Сумеют ли выжившие маги отвоевать себе место для жизни, свободы и любви, или надежды больше нет? Вторая книга цикла "Архив Сандбергов", том 2, "За Вечными горами".

© Фир М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть вторая: За Вечными горами	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	41
Глава 9	49
Глава 10	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мария Фир

Дорога мёртвых. Том 2

Часть вторая: За Вечными горами

Глава 1

Донния сжала холодными пальцами узорчатые перила балкона и вновь с тревогой взглянула на синеющие вдали вершушки Вечных гор: над их крутыми склонами медленно ползло к закату раскалённое майское солнце. Глубокую небесную синь кое-где нарушали сизоватые перистые облака, похожие на небрежные росчерки лохматой кисти, сделанные от неудовольствия художника столь безупречной синевой. До темноты было ещё несколько часов, но эльфийка с самого утра испытывала смутное беспокойство. В большой королевской зале водяные часы по капле отсчитали последние минуты и, мелодично зазвенев, перевернулись, начиная новый час. Донния вздрогнула: ей пришло в голову, что хрустальный перезвон означал конец чьей-то жизни. Момент, скрывающий за собой начало неизбежных перемен. Со стороны Вечных гор тянулась невидимая и неосязаемая тьма: люди вновь учинили какое-то зло и тем самым отравили тонкий эфир, пронизывающий ткань бытия.

Изящная светловолосая эльфийка с лучистыми голубыми глазами была младшей дочерью Верховной жрицы. В свои тридцать три года Донния выглядела едва ли старше юных послушниц в Храме Ньир, но всё же пользовалась их уважением и уже имела собственных учениц, которых обучала начальным заклинаниям целительства и магической защиты. Кроме того, ей было доверено помогать принцу Лориону с его коллекцией экзотических животных, и девушка находила это занятие весьма приятным, пока в одной из роскошных золочёных клеток не оказалась птичка-оборотень. Пойманная на склонах Вечных гор охотниками дочь правителя птиц заставила принца позабыть обо всех других питомцах. День за днём, несмотря на увещевания родителей, Лорион добивался взаимности от своей пернатой пленницы, но та была непреклонна: стоило принцу только показаться на глаза, прекрасная девушка оборачивалась птицей и норовила клюнуть или ободрать когтями любого, кто посмел приблизиться к вольеру.

Королева не раз просила Доннию убедить принца в том, что удерживать взаперти оборотня небезопасно. Что рано или поздно правитель птиц узнает, куда подевалась его дочь, и задумает отомстить эльфам, но, как ни старалась жрица, юноша упрямо стоял на своём. Птичья девушка притягивала его несговорчивостью, потому как разительно отличалась от всех придворных эльфиек и развратных лунных жриц, готовых по первому слову исполнять любые желания молодого эльфа. В свою очередь, принц упрашивал Доннию оказать воздействие на своенравную птаху, и она металась меж двух огней, не зная, кого же ей слушать, и с тоской вспоминая беспечную жизнь в замке Хранителей.

Заслышав за спиной тихие шаги, Донния вновь почувствовала, как связаны между собой и как похожи судьбы – её и несчастной пленницы. Да, жизнь жрицы нельзя было назвать простой, но всё же до недавнего времени в сердце её продолжала жить надежда...

На балкон башни, венчающей западную стену дворца, вышел принц Лорион – худощавый эльф девятнадцати лет от роду в расшитом жемчужными нитями камзоле, серых брюках и высоких, плотно облегающих стройные ноги сафьяновых сапогах. Жрица почтительно кивнула и вновь устремила взор в сторону границы с миром людей. Быть может, это не эфир, а она сама была отравлена тягостными мыслями о будущем, а оттого любое облако на небе и любой звук воспринимался ею как дурной знак? Что могли сотворить люди в Тёмном лесу, на самом краю

света? Насколько знала Донния, по ту сторону гор лежало угрюмое графство из чёрного камня со странным именем Трир, и места те много десятилетий не знали ни войн, ни набегов.

– Всё, чего я добился за месяц, – задумчиво произнёс принц, крутя в руках серебристо-серое перо. – Пара сброшенных перьев и несколько шрамов. Любая девушка королевства уже давно была бы моей.

Донния знала, что при первых попытках знакомства птица наградила юношу рваными царапинами на обеих руках.

– Отпустите её, Ваше Высочество, – тихо попросила жрица, качая головой. – До встречи с ней вы были добрым и чутким, но теперь в вас просыпается нечто иное. Обратни – это не просто красивые зверюшки: их интеллект, возможно, превосходит наш с вами.

– К чему мне её интеллект? Всех моих питомцев я люблю за красоту и необычайность, а вовсе не за разум. И её полюбил за красоту. Но вы с матерью не желаете понять этого и обвиняете меня в жестокости! – Принц тронул жрицу за плечо и заглянул ей в лицо.

– Вы лишили её свободы, разве это не жестоко? – Светлые небесные глаза Доннии были преисполнены отчаяния.

– Я не собираюсь держать её в клетке всю жизнь. Как только она согласится стать моей, у неё будет всё самое лучшее во дворце. Роскошные платья, драгоценные камни, слуги. Всё, что пожелает её сердце. Такой красоте место в королевских покоях, а не среди унылых скал и облезлых деревьев. Прежде я никогда не встречал таких упрямых питомцев... ах да, и среди эльфиек все тоже оказывались сговорчивыми.

Он перегнулся через перила, и ветер растрепал его лёгкие рыжеватые кудри.

– Её родители, должно быть, страшно переживают... – начала было жрица, коснувшись рукава эльфа, но тот стряхнул её руку и прищурился.

– Все родители всегда переживают, сестра Донния, так уж они устроены. И мои, и твои не исключение. Когда ты станешь матерью, то тоже будешь метаться день и ночь, независимо от того, что будет происходить с твоими отпрысками. Я не обижаю эту хрупкую птичку. Не ломаю ей крылышки и не связываю верёвками. В её клетке самые лучшие блюда – и птичьи, и эльфийские, и для начала я хотел бы только поговорить с ней. Неужели ты находишь это проявлением жестокости? Или же просто исполняешь просьбу моей сердобольной матери?

Эльфийка вздохнула, ничего не ответив.

– Раз уж мы заговорили о детях и семьях, – вдруг вспомнил Лорион и загадочно улыбнулся. – С моими просьбами и послушницами Храма ты, наверное, совсем не успеваешь готовиться к собственной свадьбе? Я хочу, чтобы ты была весёлой в этот день! Во дворце давно не было хорошего праздника и большого пира.

Солнце стояло ещё высоко, да и ветер на балконе дворца был тёплым, но всё же Донния поёжилась от пробежавшего по спине холодка. Помимо всего, что легло на её плечи в последнее время, надвигалась ещё и неизбежная свадьба. Мысли о ней жрица старательно заталкивала на самое дно сознания с начала зимы, с тех пор как король и принц во всеуслышание объявили девушку невестой Первого королевского рыцаря. Свадьба могла состояться ещё в начале весны, но жениха Доннии назначили руководить военной операцией на восточной границе с орками.

– Я готовлюсь, Ваше Высочество, – прошептала девушка, опустив глаза.

– Ты думаешь о нём? – облачиваясь рядом с ней на перила, поинтересовался принц.

– Всегда, – еле слышно ответила Донния.

Ложь царапала ей горло и обжигала глаза. Собеседник истолковал её реакцию по-своему и потрепал её по плечу.

– Талемар вернётся с победой, как всегда, не смей сомневаться в нём! – уверенно заявил Лорион.

– Не сомневаюсь, – сказала жрица и тряхнула головой, отгоняя подступившие слёзы. – Надеюсь, когда придёт пора жениться вам, по эту сторону Вечных гор будет покончено с войнами. И невесте вашей не придётся тосковать в ожидании вашего возвращения и свадьбы.

– Вот ещё! – фыркнул юноша, поправляя пояс, к которому были приторочены искусно выделанные ножны с великолепной эльфийской саблей внутри. – Если не будет никакой войны, так я устрою её! Захватчу другую сторону гор, заставлю людей подчиниться моей власти!

Глаза принца, бронзовые с чёрными крапинками, как у дикой лесной кошки, сверкнули в солнечных лучах неподдельным азартом. Донния через силу улыбнулась.

– Триединое государство Веллирии распалось на куски, захватить их графства по отдельности не составит большого труда. Если бы не проклятые орки, отец давно бы уже занялся землями людей вновь, они обширны и весьма плодородны. А из людей получают послушные и выносливые рабы. Тем более теперь, когда эти жалкие недоумки сами же истребили своих сильнейших магов!

Жрица кивнула, украдкой поглядывая вниз, в сторону сада, что окружал Храм лунной богини Ньир. Там, среди причудливых раскидистых ветвей, покрытых нежной майской зеленью и первыми бутонами, едва заметно перемещалась серая тень.

– С орками будет покончено. Ваш отец считает, что это вопрос нескольких недель, – сказала девушка и сделала шаг назад.

– Да, – весело подтвердил принц. – Талемар обещал привезти мне пару замаринованных орочьих голов и какую-нибудь тамошнюю зверюшку. Ты уходишь?

– Позвольте мне идти, хочу спуститься к деревьям в саду Храма и удостовериться, что их поливали сегодня. – Донния мягко поклонилась.

– Позволяю, сестра Донния. Делай что должно и не забудь побеседовать завтра с моей птичкой. Эта тварь хорошо слушает тебя – я вижу по её глазам.

Жрица стремительно сбегала вниз по винтовой лестнице. Её тяжёлые шёлковые одежды, плотно облегающие грудь и свободно ниспадающие от талии до самой земли, развевались подобно трепещущим на ветру флагам.

***

Келлард терпеть не мог томительного предзакатного ожидания. Для путешествия на ту сторону Вечных гор ему требовалась непроглядная ночная тьма, но день никак не думал кончаться. Эльф выбрался из уютного подземелья в Сумеречный сад и пытался развлечь себя прогулкой среди вековых деревьев, плетёным кружевом обнимающих Храм. Опустив голову, призыватель теней медленно шёл по извилистой мраморной дорожке и смотрел, как капли смолы, похожие на золотистое вино, стекают по стволам. Донния выскочила из боковой аллеи внезапно, запыхавшаяся и взволнованная. Задев мокрые ветви с бутонами, осыпала подол струящегося платья градом водяных брызг.

– Что ж, – посмотрев на девушку, тихо усмехнулся маг, – не самый худший способ скоротать время до захода солнца.

Как бы он хотел прямо здесь и сейчас поймать её в объятия и прильнуть губами к бархатистой, восхитительно пахнущей коже! Но было нельзя: указом короля Донния была назначена невестой Первого рыцаря, и встречи с ней приходилось скрывать во мраке подземелий. Поначалу тайна будоражила влюблённым кровь, но спустя несколько месяцев превратилась в досадную помеху. Смертные устроены так, что всегда желают большего и большего, этим они разительно отличаются от обитателей сумрака. Маг тяжело вздохнул и чинно предложил Доннии локоть, чувствуя сквозь ткани одежд её тепло и нетерпеливое биение сердца.

– Семь десятков ступеней, – прошептала она, сжимая его запястье и пытаясь привести в порядок дыхание.

– Достаточно, чтобы обдумать ваше недостойное поведение, сестра Донния, – ехидно сказал он.

– Надеешься, что я опомнюсь? – девушка на миг прильнула щекой к его плечу. – Ни за что!

Они пересекли небольшую круглую площадку с увитым плющом фонтаном и свернули на тёмную, всю заросшую диким виноградом тропинку. Здесь эльф наконец притянул подругу к себе, запустив руку в её стянутую лентами причёску.

– Ты ведь дочь Верховной жрицы и командующего Хранителей, – он внимательно посмотрел на её дрогнувшие губы и прикоснулся к ним обжигающим поцелуем. – Ты обещана рыцарю, и тебе не пристало бегать к какому-то забытому богами изгнаннику за порцией мужской ласки.

Она мгновенно вспыхнула, и Келлард с удовольствием наблюдал, как в её негодующем взгляде сталкиваются задетая гордость и желание немедленно заполучить то, зачем она прибежала. У неё не было ни малейшего шанса вырваться из его цепких рук.

– А ты, – жарко выдохнула она ему в лицо, – ты нарушитель границы! Если кто-то узнает, где ты бываешь, тебя немедленно схватят и будут допрашивать как предателя короны!

– Можешь передать своему драгоценному принцу, – эльф нашупал и потянул ленту, удерживающую шёлковые волосы Доннии, – что мне очень и очень страшно! Так страшно, что я совершенно не в силах засыпать один. Без очаровательной жрицы под боком.

Девушка разомкнула губы, чтобы возразить, но он тут же впился в них поцелуем. Её плечи окутала мягкая волна распутившихся волос. Она попыталась сопротивляться, опасаясь, что гуляющие по саду послушники или прихожане могут ненароком заметить их вдвоём. С трудом оторвавшись от него, Донния прошептала:

– Нельзя рисковать всем, что у тебя есть!

– Иногда можно, – возразил мужчина и подхватил её на руки, прижав к себе. Улыбнувшись, он начал спускаться в подземелья Храма по старым осыпающимся ступеням.

– Почему? Почему ты делаешь это? Рискуешь... – девушка с нежностью провела ладонью по его щеке.

– Меня слишком привлекает награда, – ответил Келлард, осторожно опуская её на ноги возле крепко запертой полукруглой двери.

Массивные створки послушно распахнулись, повинаясь взмаху руки мага, и эльфы оказались в полумраке просторной обители колдуна. Прежде здесь располагались хранилища и тайные лаборатории Храма Ньир, но впоследствии их перенесли в новые надземные постройки, а угрюмые подземелья выделили тому, что осталось от Гильдии призывателей теней, потерявшей почти все свои укрытия на стороне людей.

В полном молчании влюблённые добрались до его покоев, но едва лишь дверь спальни закрылась за ними, девушка обняла мага и принялась целовать – медленно, чувственно и обстоятельно, создавая на короткое время хрупкое равновесие между ними. В воздухе повисло зыбкое и дрожащее натяжение, что-то сродни загадочной тишине и мерцающему пару в колбе алхимика перед тем, как случается оглушительный взрыв.

Келлард смотрел на неё и не мог выдержать силы её дара – прикрывал глаза. Донния словно приносила в его убогую подземную келью ступок ослепительного света. Девушка прервала долгий поцелуй и едва заметно вдохнула. Сейчас, сейчас она непременно произнесёт слово или фразу, что неизбежно станет катализатором, и тогда произойдёт то, что на время лишит их рассудка и, вполне вероятно, когда-нибудь погубит обоих. Келлард знал об этом, но не мог остановить её, как не мог прекратить движения собственных рук по краю выреза платья к спрятанным под шёлком плечам.

– Твой жених ещё не вернулся? – хрипло спросил маг.

– Зачем ты каждый раз напоминаешь мне о нём? – В зрачках Доннии отразился свет одинокой свечи, что была закреплена на стене в медном подсвечнике.

– Быть может, хочу удержать тебя от очередной ошибки, – прошептал эльф, кончиком пальца дотронувшись до её влажных губ.

– Ты ревнуешь? – тихо спросила она. В её голосе прозвучала плохо спрятанная надежда. Келлард покачал головой:

– Сестра Донния, разве наша встреча похожа на исповедь? Я не готов к столь серьёзным откровениям.

Она досадливо сжала губы, чуть отстраняясь и внимательно разглядывая его лицо.

– Тебя ведь волнует, что я помолвлена, разве так сложно однажды признать этот факт?

Маг усмехнулся, вновь подтянул её к себе, провёл по её шее и ключицам, запуская кончики пальцев под упруго натянутую ткань, а затем одним рывком обнажил её плечи и грудь.

– Я учёный и признаю лишь проверенные факты. Сейчас меня волнуешь ты, а не этот законченный идиот, умудрившийся уйти на войну с орками, даже не испробовав собственную невесту. – Он стащил платье и отбросил прочь, попутно покрывая её нежную кожу поцелуями. – На войне ведь и умереть можно ненароком!

Девушка дрожала от его прикосновений, каждый поцелуй отдавался в ней тихим прерывистым вздохом. Покончив с её изысканным бельём, прикрывающим темнеющие соски и низ живота, маг поспешно избавился от собственной одежды и обнял её снова. Она раскрылась ему навстречу, прильнула пылающим телом к нетерпеливо сжимающему её любовнику и коснулась губами его уха:

– Спаси меня от этой свадьбы, Келлард, укради меня, спрячь в сумраке...

Он прикрыл глаза, не в первый раз выдерживая её огненные стрелы, пронзающие его насквозь.

– Донния, я загубил достаточно жизней тех, кто доверял мне. Не проси меня распоряжаться твоей, я не стану этого делать!

– Но я люблю тебя, только тебя, – задыхаясь от страсти, шептала она, и он до боли стискивал её в объятиях.

– Это всего лишь... магия, – касаясь её уха губами, ответил он.

И она, конечно же, снова ему не поверила.

Глава 2

Пламя свечи задрожало, задёргалось, и комната вдруг наполнилась беспокойным призрачным движением. Донния смотрела на стену, где плясали удлинившиеся тени. Она боялась пошевелиться и нарушить наступившую тишину. Всего несколько минут назад не было ни стен, ни тяжёлого мрачного шкафа, ни заваленного книгами и свитками стола, ни смятых простыней из грубого и простого полотна... Были только он и она – в небытии, в пульсирующем огне, в сплетении тел, охваченных древним и непреодолимым заклинанием страсти.

Кажется, она вновь говорила ему то, что говорить не следует, не только говорила, но и стонала, и выдыхала в его растрепавшиеся волосы и спрятанные за ними уши. На слова о любви он не отвечал никогда, даже в те мгновения, когда вполне мог ответить, а его губы не были заняты её губами или другими приятными частями тела. Он мог чуть улыбнуться в ответ – не более. Как теперь, когда она тихо лежала в его объятиях, а маг кончиками пальцев поглаживал её грудь, наслаждаясь округлыми упругими линиями. Его запястье было туго перевязано свежими бинтами, но в порыве страсти он вновь не рассчитал своих движений – поверх бинтов темнели проступившие пятна крови. Донния поймала его руку, повернулась:

– Снова совсем не бережёшь себя.

Келлард двинул одним плечом и недовольно нахмурился.

– Не порти момент своими целительскими нравоучениями.

Жрица не отступилась, ласково провела по руке эльфа вверх – предплечье было сплошь исчеркано старыми, давно затянувшимися шрамами.

– Ты говорил, что будешь использовать только кровь невольников!

Маг вздохнул и поцеловал её руку:

– Я провёл небольшой эксперимент, и невольники внезапно закончились. Не беспокойся обо мне.

Донния неотрывно смотрела в его тёмные зелёные глаза.

– Ты дорог мне, и я хочу о тебе беспокоиться.

Он болезненно улыбнулся:

– Не стоит.

Она погладила его плечо, коснулась тёмных перепутанных волос, отодвинула их назад. В его мочке тускло сияла единственная серьга с чёрным отполированным камнем в форме треугольника – знак преданной забвению и изгнанию Гильдии призывателей теней. Донния потянулась и поцеловала его в висок.

– Почему?

Мужчина шумно выдохнул и сел на кровати, подтянул отброшенное в ноги покрывало, затем укрыл её и себя и лёг на спину, спрятав обе руки под головой. Ему не хотелось говорить.

– Почему, скажи? – повторила жрица со свойственной молодым и любознательным женщинам настойчивостью.

Сквозь мягко ниспадающие локоны её светлых волос маг видел мерцание свечи. Со стороны лабораторий дверь была прикрыта неплотно, и оттуда ощутимо тянуло подземной сыростью и сквозняком вентиляций. Донния была тёплой и очень нежной. Её кожа, никогда не ведавшая ни холодных северных ветров, ни палящего солнца, ни кнута или предательского зазубренного ножа, была похожа на тонкий паутинный шёлк, что продавали в столице на вес ограниченными самоцветов.

Маг искренне недоумевал, почему она возвращалась в его пропахшие плесенью подземелья снова и снова, несмотря даже на помолвку с красивым, молодым и полным сил королевским рыцарем. Объяснить это явление можно было лишь какой-то странной, недоступной призывателю магией. Будь эта разновидность волшебства подвластна ему, он бы непременно

подверг её исследованию и разобрал на составляющие, после чего научился бы управлять ею, как любым другим видом магической энергии. Что заставляло жрицу терять голову от взгляда и объятий потрёпанного жизнью циника, чьё тело было изуродовано инквизиторами Железной крепости, а душа не желала принимать ни добра, ни заботы, ни любви?

– Все, кто считал своим долгом быть рядом со мной, погибли страшной смертью, – неохотно прошептал Келлард после продолжительного молчания. – Мои ученики, мои слуги, моя жена. Все. Люди из нашей Гильдии любят говорить, что связь с сумраком требует постоянных жертв. И я думаю, они в конечном счёте правы.

– С каких это пор ты слушаешь болтовню людей? – возмутилась Донния.

– Мне служат могущественные тени, но разве я не уплатил за это собственной кровью? Я могу призвать сильнейших демонов сумрака, но разве я не отдал ради этих знаний всё, что у меня было? Положение в обществе, связи, друзья... всё было принесено в жертву науке, – усмехнулся маг. – Даже Велиор, единственный мой сын, и тот предпочёл жизнь в городе людей. Подальше от негодяя, который обманом увёл его подругу.

– Никто не уводил меня обманом, это был мой выбор, и я не отступлюсь от него, – покачала головой жрица.

– Как знать, твой ли он был на самом деле, – вздохнул маг.

– Я никогда не давала Велиору обетов верности, мы были какое-то время увлечены друг другом, но не более того, – она шевельнулась, устраиваясь уютнее на его плече.

– Обеты верности, – с отвращением произнёс Келлард и поморщился, – эта благообразная дрянь ничем не лучше ритуалов тёмной магии, если как следует поразмыслить. Я рад, что меня никогда больше не коснётся подобная необходимость.

– И всё же ты готовишь зелья и свитки для короля и его приближённых, – заметила Донния.

– Это лишь сотрудничество, выгодное обеим сторонам. Не повинность и не государственная служба. Верховная жрица и король позволяют нам использовать подвалы Храма для своих нужд, мы платим зельями и услугами некромантов. Гильдия не участвует в плетении дворцовых интриг.

– Поэтому ты отказываешься помочь мне? – она приподнялась на локте и заглянула в его лицо.

Маг не был ещё стар, но имел привычку хмуриться и сердиться, а потому морщины оставили тёмные следы и возле его губ, и над переносицей. Вот и сейчас неприятная тема заставила уголки его губ опуститься, а глаза – сощуриться.

– Чего ты хочешь от меня, Донния? Чтобы я спрятал тебя и потерял своё единственное пристанище? Вновь скитался по лесам и норам дикарей или оказался в пыточной камере, на сей раз королевской? Чтобы я вызвал на дуэль Первого рыцаря короля и поборолся за право трахать тебя официально?

Слова гулко отдавались от каменных стен и будто повисали в воздухе, как ядовитые капли. Девушка опустила ресницы и ждала, когда он закончит, не перебивая его и не шевелясь. Когда Келлард наконец замолчал, она промолвила еле слышно:

– Согласно обычаю, на свадебной церемонии всегда спрашивают гостей, нет ли у кого возражений...

Откинувшись на подушке, маг внезапно рассмеялся – колко и обидно.

– Право, ты уже не наивная девчонка, чтобы не понимать! Какой вес имеет моё слово против слов королевской четы, принца Лориона и твоих родителей? Возможно, меня не повесят, но в том, что привяжут к столбу и закидают тухлыми овощами, я совершенно не сомневаюсь! Хочешь выставить меня на посмешище перед всем Фэитом?

– Хочу, чтобы ты защитил меня, – сказала Донния, упрямо стиснув его пальцы.

– Ты что-то перепутала, дорогая, – отсмеявшись, проговорил он. – Тебя будет защищать твой рыцарь. Таков древний уклад нашего общества: жрице полагается персональный рыцарь, а не старый колдун. А я, уж прости, не собираюсь даже присутствовать на этом безобразном торжестве. Как ты знаешь, у меня нет ни соответствующей одежды, ни умения изысканно врать, глядя в глаза собеседнику. Я никудышный гость на свадьбах и приёмах.

– Ты придёшь, – прошептала она, обнимая его. Как можно было объяснить это отвратительное упорство, как не влиянием странной магии? Неужели жрица была настолько глупа, что слова проскакивали мимо её ушей, не задевая мозга? – Я знаю, ты придёшь.

Он закрыл глаза, прижал её к себе и ничего не ответил. В застенках Железной крепости допрашиваемых долго истязали, а затем приглашали лекаря, чтобы пленники случайно не умерли и были способны и назавтра отвечать на вопросы искателей. Уставшие души каждый раз надеялись на смерть, но их вновь и вновь обманывали, возвращая к жизни. Много лет спустя Донния делала с ним то же самое: он надеялся укрыться во тьме, окружить себя склянками с ядом и опасными теневыми сущностями, навсегда забыть о прикосновениях и ласке, но приходила она, и противостоять её чарам не было сил. Как ни сердился призыватель, как ни пытался оттолкнуть от себя назойливую жрицу, она раз за разом одерживала над ним верх.

«Ты придёшь», – шептала она, и горячие слёзы девушки обжигали его сухую кожу, пробуждая к невыносимой жизни. Её ласковые руки и губы снова скользили по его груди, дыхание сбивалось, сердце пускалось вскачь, и пронизывающая до костей дрожь охватывала обоих, пока тела не сливались в попытке унять её и насытить друг друга близостью.

Рано или поздно судьба сталкивает тёмных магов с их зеркальными отражениями, противоположностями, так устроен мир, так заведено богами от начала времён. Мало кто проходит подобные испытания, не подвергая сомнению привычные истины, не изменяясь душой. Келлард был уверен, что уж его-то, разочаровавшегося в жизни обитателя сумрака и повелителя потусторонних сущностей, точно минует эта участь. И только коллега по Гильдии и давний друг Гаэлас тихо посмеивался, наблюдая, как Донния незаметно набрасывает на мага свои хитрые женские сети. Велиор решил, что дело не обошлось без приворотной магии, разве что немного ошибся в том, кто на самом деле воспользовался этой магией.

«Я приду на эту свадьбу», – думал маг и тут же одёргивал себя, не желая развивать неправильную, мешающую трезво рассуждать мысль. Нет, он не хотел причинять девушке дополнительную боль, как не хотел и видеть лощёного довольного лица Первого рыцаря. С другой стороны, быть может, перед алтарём Храма Ньир, в объятиях высокого мускулистого красавца с огненными глазами Донния сумеет одуматься и оглянуться на него – тощего колдуна в неприглядном тряпье? Быть может, заметив столь очевидную разницу, она поймёт, как ошибалась, не желая договорной свадьбы, и выкинет из головы свои милосердные глупости? И вот, не успел он додумать до конца, как она снова взялась за старое.

– Хочу всегда быть рядом, хочу исцелить тебя, – еле слышно шептала она, тонкой вуалью магии покрывая его шрамы.

Было щекотно, и маг поймал её руки, остановил невидимый поток.

– Тебе нужно о ком-то заботиться, – вздохнул он. – Возможно, родить детей...

– Да, я бы хотела, – отозвалась она, – с тобой.

Он улыбнулся, осторожно глядя её по голове:

– Любые чары рано или поздно теряют силу, Донния. Даже те, в которых мы сами не можем разобраться. Право слово, я устал с тобой спорить. Я знаю, что жриц нарочно учат вести нескончаемые мудрёные диалоги, но нас, призывателей, этому не учат. Мы оба знаем, что скоро нашим встречам придёт конец.

– Уверена, что найду способ навещать тебя хотя бы изредка. Семейства рыцарей ведь заказывают у тебя эликсиры и снадобья. Что если и я захочу заказать какое-нибудь зелье? – прошептала она таинственным голосом.

– Для того, чтобы всё забыть, существуют заклинания. Не обязательно травить себя настойками. – Маг пошевелился. – Когда придёт время, я сделаю это для тебя.

– Что сделаешь? – насторожилась она, не вполне уверенная, что поняла его правильно.

– Лабиринт забвения. – Он чуть заметно пожал плечами. – Особые чары, они не затрагивают мозг, не парализуют нервные окончания, но помогают запереть часть воспоминаний в недостижимом для сознания месте. Ты не вспомнишь обо мне. Будет легко и спокойно.

– Нет, ты не посмеешь! – Донния подскочила на постели, и он подумал было, что разъярённая жрица сейчас одарит его пощечиной, как было однажды в самом начале их отношений.

Ярость боролась в ней с нежностью, и это выглядело великолепно. Келлард полюбовался девушкой и принялся неторопливо одеваться. Всё ещё рассерженная жрица путалась в кружеве белья, руки её предательски дрожали. Он поймал её ладони и поцеловал каждую по очереди.

– Я всего лишь предложил, но решение ты примешь сама. Обдумай это на досуге.

Донния немного успокоилась и вскоре повернулась к нему спиной, чтобы он застегнул все до единого крючочки на её платье.

– Когда вернётся Гаэлас? – желая сменить тему разговора, спросила она.

– Через пару недель, – отозвался маг, неумело расправляя мягкие локоны девушки, убрать которые в прежнюю причудливую причёску уже не представлялось возможным. – Он намерен отправиться в Трир на экзамены своей дочери.

– Человеческая дочь, – улыбнулась жрица. – Хотела бы я познакомиться с ней. Её мать Сония была очень милой девушкой.

– Я видел Сонию мельком, но отлично помню её жениха Эдвина. Что бы там ни стояло между эльфами и людьми, Солнечным стражам я обязан жизнью. – Он оглядел подругу с ног до головы, словно желал удостовериться в том, что её образ нисколько не пострадал от бурного свидания в его подземном логове.

Донния в свою очередь пригладила одежду мага и всё же настояла на том, чтобы перебинтовать его руку. Келлард не стал упрячиться, как делал это обычно, но хмуро молчал, наблюдая, как мелькают заботливые руки девушки.

– Сегодня с балкона я смотрела в сторону Вечных гор, – неожиданно сказала она, что-то вспомнив, – и мне показалось, что на стороне людей беспокойно.

– А я как раз собирался прогуляться в поисках свежих рабов, – хмыкнул призыватель.

– Будь осторожен, а ещё лучше – не ходи сегодня через границу. Кто знает, что учинили люди в Тёмном лесу?! Что если Орден вновь устроил облаву на колдунов? Прошу тебя, останься и дождись весточки от Тэрона, – взмолилась Донния.

– Я буду осторожен, – маг поднял руку и осмотрел безупречно закреплённый бинт. Она отступилась, покачав головой, понимая, что вредный призыватель не послушается и вновь нарушит закон.

В прежние времена Гильдия призывателей объединяла и людей, и эльфов, и орков, а её адепты считали своим правом перемещаться свободно по всему свету. Однако после войны и Раскола старые правила утратили силу. Теперь каждый, кто самовольно совался в земли людей или орков, мог попасть под подозрение в шпионаже или предательстве. Разумеется, такой порядок не устраивал выживших членов Гильдии: тайком, украдкой, они всё же путешествовали при помощи сумрачных дорог и отправляли почту с птичьими оборотнями. Так было до недавнего времени, пока принц Лорион не захватил в плен принцессу птиц. Можно не сомневаться, что родичи Тэрона отныне не станут помогать кому бы то ни было на эльфийской стороне, а потому вся надежда оставалась на порталы через междумирье.

Проводив Доннию до верхней, семидесятой ступеньки храмового подземелья, Келлард задумчиво оглядел свою келью, поправил сбитые простыни, потушил почти выгоревшую до основания свечу и отправился готовить портал.

Глава 3

В самом сердце Тёмного леса, где царствовала непроглядная, полная глухих и тревожных звуков ночь, вспыхнуло фиолетовое сияние. Ткань мира с треском разорвалась, и воющая ледяная пустота выплюнула мага из своего нутра. Сотни раз Келлард путешествовал сумрачными порталами, но давно не случалось такого, чтобы он ошибся в расчётах координат. И уж тем более – чтобы не смог удержаться на ногах, преодолевая границу между мирами. На этот раз сила пространственного искажения швырнула его на землю с размаху, отчего он кубарем покатился по сырому мху, из которого торчали узловатые корни и гнилые коряги.

Грязно выругавшись, призыватель поднялся на ноги, ощупал чудом уцелевшие рёбра и сотворил шар призрачного серебристого света. Одного взгляда на громоздящиеся по обе стороны вековые деревья было достаточно, чтобы понять, что место не то. Выход в окрестности графства Трир на стороне людей располагался неподалёку от святилища древних эльфов. Глубокой ночью можно было разглядеть мелькающие в лунном свете беловатые камни и слышать переливчатый звон бьющего из-под земли родника. Здесь же мага облепила тяжёлая, плохо поддающаяся даже его волшебному источнику света, гулкая тьма. В ноздри бил запах тления и окружающих болот. Портал, который надлежало закрывать специальным заклинанием, почему-то схлопнулся сам, оставив на месте прохода облачко мерцающего сизого дыма.

– Та-а-ак, – протянул маг и задумчиво покусал губы. – Если не ошибка, то что же?

Память о проведённых опытах и прочитанных фолиантах тут же подсунула Келларду десятки возможных причин отклонения от курса. Он на ощупь передвигался от дерева к дереву в надежде выловить среди тугого сплетения ветвей над головой признаки звёзд. Что-то скользнуло по сапогу, и маг посмотрел себе под ноги: большая змея свернулась тёмными влажными кольцами и глядела на нежданного гостя болот жёлтыми щёлочками глаз. Заметив, что пришелец нисколько не боится её, змея угрожающе зашипела. Колдун сделал отводящий жест, и негодующая тварь тут же забыла о его существовании и уползла в сторону тускло поблескивающей воды.

Тёмный лес и топи жили своей обыкновенной ночной жизнью, и, перескакивая с кочки на кочку, Келлард никак не мог сосредоточиться. Дорога мёртвых была проверенным и стабильным изобретением, и если выход с неё оказался в неполюженном месте, то это означало, что кто-то вмешался в расположение порталных камней. Переместил их, сориентировал иначе или вообще похитил. Эта версия, по мнению призывателя, была самой подходящей. Он знал, что время от времени искатели наживы охотятся за эльфийскими кристаллами. Однако в Тёмный лес, населённый вампирами, оборотнями и беспризорными созданиями сумрака, не совались даже самые отчаянные кладоискатели.

– Вряд ли, – выйдя на поросший мхом и поганками пригорок, сказал маг сам себе, – вряд ли кто-то мог украсть камни, обойдя все ловушки. Что-то иное...

Что-то постороннее висело в самом воздухе, неподвижном и душном. Келлард отёр с лица пот и влагу рукавом балахона и решил всё же призвать своих верных слуг. Он выбрал место посуше и принялся чертить в воздухе магические символы. Когда-то давно призыв требовал от мага длительной подготовки и крайней степени сосредоточения, а слова нужно было произносить громко и чётко, строго в такт отрететированным пассам. Сейчас доставало небольших усилий, чтобы направить поток магии, да нескольких капель крови. Вербальная составляющая заклятия заменялась силой намерения, но сухие губы мага всё равно по привычке шевелились и всегда растягивались в искренней улыбке, когда тени являлись на зов.

Первой пришла девушка-воительница по имени Никс. Над самой землёй закружилась нездешняя чернота, что была даже темнее ночи в густой чащобе леса, после из неё вынырнула высокая фигура, блистающая серебром. Она зашипела, скидывая четыре руки-лезвия и

тряхнув головой в развевающихся на несуществующем ветру белёсых волосах. Келлард напоил её силой бегущей по запястью крови и занялся призывом второй тени. Данэль, верный друг Никс, явился по обыкновению разъярённым. Едва материализовавшись, он принялся метаться в сфере своей призрачной клетки и клацать огромными зубами. Голова Данэля была непропорционально большой, короткое коренастое туловище окружали клочья тумана, но конечно-сти увенчивали столь длинные зазубренные когти, что увидевший сумрачное чудище мигом забывал о его невеликом росточке и был озабочен только одним – собственным выживанием.

– А ты не получишь крови, пока не заслужишь её, – рассудительно сказал твари маг, натягивая бинт на свежий порез. – В отличие от девушки рыцарь должен отработать свою порцию еды!

Данэль зарычал, выражая презрение к колдуну, но Никс издала звук, похожий на скрежет металла, и её «рыцарь» угомонился, покорно повиснув в воздухе. Маг знал, что сумрачный воин тяжело переносит своё пребывание в мире живых, когда-то приручение его заняло немало времени, но, как и любая порабощённая тень, он вынужден был служить призывателю и признавать его превосходство. Никс была другой. По-своему она уважала и ценила общение с Келлардом, принимая каждое своё появление по эту сторону завесы как вызов, как благородное испытание. Сейчас она кружила вокруг мага в ожидании приказа, и её нетерпение пронизывало воздух электрическими разрядами.

– Нужно определить, где мы, – пояснил маг теневым слугам и медленно пошёл в выбранном направлении.

Он привык разговаривать с тенями, хотя и отчётливо понимал, что сумрачные твари не понимают эльфийской речи. По правде говоря, имена он им дал из чистого любопытства. Собственные имена теней этой разновидности заставили бы сломать язык любого смертного, пусть даже сильного и опытного мага. Келлард назвал их по-своему, а заодно решил для себя, что его слуги – благородная воинственная дева и её защитник. Это были определения, наиболее подходящие для понимания в мире живых. На самом же деле в сумрачном мире не было ни привычных смертным понятий, ни даже разделения по половому признаку. Один из могущественных демонов сумрака, впервые оказавшись в круге призыва Келларда, долго потешался над попытками мага установить, «он» это или «она».

Эти двое были любимчиками мага. В бою они стоили нескольких вооружённых до зубов неповоротливых королевских рыцарей, и эта мысль с некоторых пор доставляла призывателю особое мрачное удовлетворение. От прежней жизни аристократа из уважаемого при дворе семейства у Келларда не осталось ничего: родичи на всякий случай предпочитали не иметь дела с членом почти истреблённой Гильдии. Ссора с единственным сыном венчала окончательный и бесповоротный уход мага из благородной семьи. Уже несколько лет он числился негодяем, продавшим душу демонам сумрака и разрушившим жизнь молодого Велиора.

Никс разведывала путь, но лес казался нескончаемым. Келлард начинал тихо злиться, отчасти из-за однообразия хлюпающего под ногами мха и дрянного запаха болот, но ещё больше – от мыслей о Первом королевском рыцаре. Своим рычанием теневой воин Данэль будил внутри мага океан его собственной невыплеснутой злобы. Наедине с собой маг мог не заботиться о сохранении равнодушного лица, и ему хотелось, подобно непокорному слуге, рычать и скалить клыки при мысли о том, что Донния очень скоро окажется в постели другого мужчины. Его хрупкая и нежная жрица станет шептать на ухо кому-то ещё, а тот будет сжимать в ладонях её грудь, её чудесные округлые бёдра, целовать её трогательно дрожащие губы. Тьма ночи снаружи позволила внутренней тьме разрастись до таких размеров, что маг остановился и привалился к дереву, тяжело дыша. Никс и Данэль послушно кинулись к хозяину.

– Я её не отдам, – еле слышно прохрипел Келлард, и сразу стало легче.

Сдавливающие грудь тиски ослабли, дали сделать судорожный вздох. Никс взволнованно зашипела, и маг рванул повязку на руке и позволил слугам напиться до отвала. Вместе с кровью

и тёмным даром понемногу уходила и нахлынувшая ненависть. Он еще не знал, что сделает с Первым рыцарем, но в любом случае тот не прикоснётся к его женщине. А если прикоснётся, то заплатит за это своей жизнью – не больше и не меньше. Сердце немного успокоилось, напиравшись этой мыслью, и эльф продолжил свой путь.

Он шёл уже так долго, что небо на востоке начало понемногу светлеть. Время от времени маг применял заклинания, позволяющие обнаружить поблизости следы волшебства, но лес отвечал ему магической тишиной. В ветвях деревьев, дуплах и расщелинах ютились крохотные комочки жизни, под кочками и слоем опавшей листвы медленно превращались в тлен косточки умерших и съеденных обитателей чащи. Ни следа дикого эльфа или человека, способного к колдовству. Эльф опрокинул в рот флакончик с зельем, усиливающим чутьё и зрение, убрал источник света, огляделся и почти сразу же уловил прежде незаметные колебания эфира.

Где-то неподалёку образовался пространственный разрыв, и глупые беспризорные тени вырвались на болота. Келлард покачал головой: вряд ли это могло быть причиной его отклонения от курса, но всё же место стоило осмотреть.

– Сейчас развлечёшься, – шепнул он Никс, которая висела за его левым плечом. – Да и я заодно.

И маг пошел, почти побежал к мерцающему вдалеке между чёрных стволов разрыву. Тени с воплями ринулись вперёд. Призванные сущности по каким-то личным причинам терпеть не могли низших созданий сумрака, которые всегда толклись возле спонтанных дыр в междумирье. Несмотря на непокорные характеры, Никс и Данэль принадлежали к существам, которые были во много раз умнее и сильнее беспризорных духов. И их, вероятно, оскорбляло хаотичное поведение озлобленных глупых тварей, как оскорбляет порой эльфийских аристократов привычка их лесных сородичей есть руками, сидя на земле, или их полная безграмотность.

Слуги Келларда в считанные мгновения расправились с беспризорными тенями, но возвращаться к магу, который промочил сапог и приостановился, не спешили. Что-то привлекало их внимание, и Никс несколько раз противно, металлически заскрипела.

– Что вы там нашли? Думаете удивить меня? – Так и не закончив с сапогом, маг побежал к теням.

На небольшом участке сухой земли, прижав к груди застывшие в последней судороге руки и широко распахнув глаза, лежала растрёпанная темноволосая девчонка. Вся её одежда с ног до головы была изорвана, на бледной щеке запеклась размазанная кровь. Синеватые губы, хотя и были чуть приоткрыты, давно уже не согревались дыханием. Но хуже всего в открывшемся зрелище были застёгнутые на запястьях миралитовые наручники – по одной только этой детали маг сумел составить неутешительную картину того, что произошло с бедной девочкой. А после нашлась и вторая деталь. Маленький значок Академии Трира, приколотый к воротнику ученического платья.

Келлард опустился на колени, бессознательным жестом отвёл с уха девушки грязную прядь волос и удостоверился в том, что погибшая была человеком. И всё же в заострившихся чертах её точёного фарфорового личика было столько эльфийского, что маг не сумел сдержать горестного стога. Никс ответила ему заунывным воем. Маг в странном порыве приник к груди своей находки и долгое время выслушивал тишину. Кровь прилила к его голове, и ему начало казаться, будто ухо различает едва заметные, разделённые долгими интервалами, толчки сердца.

Проклятый миралит мешал исследованию, заклинания отражались от непроницаемого для магии материала, но кожа девочки на шее под волосами определённо ещё хранила толику живого тепла. Призыватель беспрестанно ругался: всё, что он видел в тусклых отсветах магии, говорило о том, что студентка мертва и попросту не успела ещё остыть, но в то же время где-

то внутри он сомневался. Ему мерещилась слабая искра жизни в тщедушном теле несчастной, и по какой-то непонятной причине Келлард не мог не принимать её во внимание.

– Что ж, – наконец решил он, осторожно поднимая на руки безжизненное тело, – терять нам нечего.

Он воспользовался эликсиром, придающим силу, но ноша всё равно казалась тяжёлой, и холодная, расчётливая часть его разума твердила ему, чтобы он не надрывался и бросил труп. Стиснув зубы, маг упрямо продолжал тащить студентку вперёд – туда, где деревья чуть расступались вокруг небольшого лесного озера, поросшего тиной и камышами. В преддверии рассвета на небо выкатилась из-за облаков низкая луна, и лес озарился её сероватым неверным светом.

– Донния разберётся, жива ты или мертва, – проворчал Келлард, вынес находку на пригорок на берегу озера и строго наказал теням охранять её.

До восхода солнца предстояла непростая и довольно изнурительная работа: ликвидировать пространственный разрыв, нейтрализовать оставленные беспризорными тенями следы, подготовить обратный портал. Досада от спутанных планов мага смешивалась в его душе с любопытством и тревогой, связанными со странной девчонкой. Тысячи вопросов роились в его голове. Если Орден Инквизиции напал на Трир и по какой-то причине начал арестовывать студентов, то где был в это время магистр Тэрон и что случилось с Велиором? Будь Келлард сейчас один, он не раздумывая отправился бы в сторону Трира искать ответы, но теперь на его попечении было бездыханное девичье тело.

– В любом случае... – прошептал он, махнул рукой и принялся за портал.

В любом случае девчонка сумеет что-нибудь рассказать, если удастся привести её в себя. Если же нет, то он сохранит её до возвращения Гаэласа, чтобы тот мог побеседовать с умершей. Живая или мёртвая, она казалась магу необходимой и каким-то странным образом ещё больше связывала его с Доннией. Отставив сомнения, он погрузился в работу, лишь изредка оглядываясь на пригорок, чтобы убедиться, что находка никуда не исчезла.

Глава 4

Сияние последнего портала угасло, и обессиленный маг выпустил свою ношу на каменные плиты подземелья. Путешествия на дальние расстояния из мест, координаты которых неизвестны, были крайне опасны, а потому Келлард сначала переместился к древнему алтарю Ньир у самого подножия Вечных гор, а затем воспользовался цепью коротких переходов между хорошо известными пространственными якорями. Он беспокоился, что девчонка может не выдержать телепортации, что крохотная искорка жизни угаснет, а вместе с ней и его надежда узнать что-нибудь о судьбе Трира. Из последних сил он дотащил потрёпанное тело до лабораторного стола, грубовато плюхнул на выдавшие виды тёмные доски и прибавил света. Новенькие, безупречно исполненные наручники засияли так, что стало больно глазам.

В тот год, когда Орден Инквизиции обнаружил убежище теневых магов, подобные изобретения ещё не применялись. Миралит был баснословно дорог, его получали в малых количествах и использовали в основном в Университете Сюр-Мао для опытов с защитной магией. Схваченных для допроса магов попросту связывали, затыкали рот и надевали на голову мешок. «Как хочешь, так и колдуй теперь», – сказал тогда один из искателей, больно пнув Келларда в живот тяжёлым сапогом. Возможно, в тот миг он сумел бы призвать верных теней одним усилием воли. Они были близко, нетерпеливо рвались к нему с той стороны завесы, чувствуя, что магу угрожает опасность.

Непокорные и хаотичные, обитатели сумрака по-своему умели привязываться к тем, кто находил с ними общий язык. В руки врезались верёвки, было невозможно дышать, но всё же, всё же он бы смог, если бы не услышал пронзительный крик жены. Всё существо его обратилось тогда в слух, а Лиавен всё кричала и кричала, пока кто-то из отряда Гвинты не ударил её по голове. Маг не видел, что с ней делали, но всякий раз безжалостная память швыряла его в тот самый день и в тот самый миг, когда крик её оборвался, а тело с глухим стуком упало в грязь. Всегда тот день. Несмотря на то, что в Железной крепости они провели потом немало дней...

– Всё напрасно, – опомнившись, сказал он неподвижной студентке из Трира. – Нас уже давно нет, а потому это нельзя назвать ни войной, ни сопротивлением. Мы уже давно проиграли...

Ему показалось, будто её ресницы дрогнули, и он смахнул со лба налипшую прядь волос и выступивший пот. Игра света, разумеется. Старые светильники плохо держат заряд, а потому время от времени подрагивают, как свечи на ветру. Она холодная. Не такая ледяная, как больно обжигающий пальцы миралит, но всё-таки неживая. Келлард с грохотом выдвинул из-под стола ящик с инструментами.

Весь следующий час он тщетно пытался снять проклятые наручники с погибшей девчонки. Кое-как перекусив огромными кусачками цепь, он взялся за хитроумные защёлки. Заметил, что рука студентки изувечена, распухла и посинела, разлился окончательно и принялся остервенело ковырять и пилить неподдающиеся железяки. Ему казалось самым важным именно это – во что бы то ни стало избавить девушку от оков, все иные мысли улетучились из его головы. В затылке ломило, в глазах было темно от гнева и тупого сосредоточения.

– Да чтоб тебя! – Маг швырнул на пол бесполезные инструменты и подумал уже о том, чтобы попросту отрезать ей кисти рук и стащить злополучный сплав.

Неизвестно, чем бы обернулась эта мимоходом промелькнувшая в его отяжелевшей голове мысль, но тут дверь лаборатории распахнулась и на пороге появилась Донния.

– Ты вернулся! – воскликнула она и кинулась к Келларду.

Хотела обхватить за шею, уже протянула руки, но натолкнулась на его злобный взгляд, а потом заметила на столе распластанное тело и испуганно ойкнула. Её серебристо-голубые глаза наполнились неподдельным ужасом, когда она разглядела разложенные тут же на столе

клещи, зубила и зловещие крючки. Маг наклонился, чтобы подобрать с пола молоток, а когда встал, то жрица уже заслонила собой девчонку.

– Что ты делаешь? Она ведь жива! – Донния заглянула в лицо призывателя, всё ещё перекошенное злобой, непроницаемое и чужое. – Откуда ты её взял?

– Слишком много вопросов, – сквозь зубы процедил Келлард и сделал ей знак отойти.

Донния не пошевелилась. Он заметил, что платье на этот раз было сливочно-бежевым, а грудь прикрывало тончайшее кружево. И вся она, целительница Храма Ньир, в невесомом шёлке до самого пола, в светлых кудрях уложенных волос и сверкающих в ушах бриллиантах, была так неуместна здесь, в тёмных и сырых подземельях. Почему она пришла, зачем мешает ему быть одному со своей давней болью, со своей чёрной ненавистью?

– Дай ножницы, – сказала она, уже засучив рукава и повернувшись к нему спиной.

Волны чуждой Келларду светлой магии заплескались в её изящных ладонях.

– Она мертва, – сухо сказал он в спину жрицы.

– Кто тебе сказал? – отозвалась целительница через плечо.

– Мой дар, – сердито выдохнул маг.

– Твой дар направлен внутрь тебя самого, а также в сумрачный мир, – покачала головой девушка. – А потому иногда он обманывает тебя. Того, кто закрыт от всего мира, не так уж сложно ввести в заблуждение.

И снова эти невыносимые нравоучения, которые он терпеть не мог! Рассуждения о том, что магия жриц непрерывно взаимодействует со всем живым, что есть в подлунном мире, в то время как теневые маги концентрируют и направляют силу совсем не туда, куда следует. И всё же он протянул Доннии ножницы, которыми она ловко взрезала на студентке платье и нижнюю рубашку. Миралит, казалось, нисколько не мешал целительнице. В считанные минуты она так увлеклась спасением жизни неизвестной, что Келлард вдруг испытал приступ острой ревности.

Он хотел схватить жрицу за талию, толкнуть к стоящей у стены скамье, задрать на ней платье, изорвать никчёмное кружево на груди, а после – забыть о найденном теле, о порталах, о Трире, обо всём. Желание было таким сильным, что усталость отступила на второй план. Возможно, этот день – последний, когда они могут быть вдвоём. Каждый наступающий час приближает её свадьбу с рыцарем, а она приходит сюда и вместо того, чтобы быть с ним, возится сдохлой девицей!

– Ну всё, хватит, – маг сгрёб в охапку Доннию, – я же сказал, ей уже не помочь! Оставим её Гаэласу.

– Пожалуйста, – она обернулась к нему, нежно коснулась губ, прижалась щекой к щеке, – я должна попробовать, понимаешь? Это важно.

И он вспомнил, что целую вечность назад, стоя в Тёмном лесу и вдыхая зловоние болот, сам думал об этом. Как и о том, что не позволит любимой выйти замуж, а значит, не будет никакого прощания и часы вовсе не отсчитывают их последние мгновения. Она поцеловала его – ласково и вместе с тем успокаивающе, и он почувствовал, как бушующая внутри злоба и порождённая ею болезненная страсть отступили, притихли.

– Мне показалось, что я слышал сердце, – сказал наконец Келлард, медленно выдохнув.

– Тебе не показалось. – Донния вновь окружила девушку целительным сиянием. – На неё напали тени и пили до тех пор, пока могли это делать. Но всё до конца выпить не сумели. Наручники заперли в ней дар, и вместе с даром удержалась и жизнь. Были бы это не тени, а волки, ей бы так не повезло.

– Я хотел их снять, – прошептал маг.

– Посмотри, что у неё за пазухой, – тихо сказала жрица, отгибая край вспоротой ткани.

На груди у самого сердца девушки были спрятаны перья оборотня. Чёрные, отливающие глубокой синевой перья, блестящие и упругие. Донния осторожно извлекла находку и передала Келларду. Сомнений быть не могло, они принадлежали магистру Тэрону. В Вечных горах жила

только одна семья птиц с чёрными перьями, и только один оборотень из этой семьи променял жизнь под облаками на город людей и Академию магии Трира.

– Он мёртв, – севшим голосом произнёс маг, перебирая упругие пёрышки, – он мёртв, Донния, и это всё объясняет.

В голове призывателя стремительно складывалась окончательная картина произошедшего, и он замер, пытаясь размышлять аналитически, пытаясь отметить те догадки, которые казались ему неочевидными. Дорога мёртвых была нестабильна, а потому его вышвырнуло в чащу леса. Никто не похищал порталные камни, они по-прежнему были спрятаны глубоко в земле в условленных местах. Но изобретение Гаэласа опиралось на силу трёх магов, одним из которых был Тэрон. Если в скором времени никто не заменит магистра, сумрачные пути начнут исчезать, а вместе с ними – и надежда всех оставшихся в живых магов из Гильдии призывателей теней.

И вновь, теперь уже вместе с возлюбленной, он кусал и пилил толстые петли наручников.

– Нужна кислота, – прищурившись, сказал Келлард, заметив, что стержень, на котором держались запоры, сделан из более податливого материала.

– Ни в коем случае, – испуганно вскрикнула жрица, – ты обожжешь её!

– И ей будет всё равно, поверь, – сердито буркнул маг и извлёк из ящика тёмно-коричневую бутылку со стеклянной пробкой.

Впрочем, действовал он аккуратно. По капле заливал дымящуюся жидкость в механизм и следил, чтобы кислота не проглотила тонкую бледную кожу девушки. Дело пошло на лад – вскоре ему удалось разогнуть один из наручников. Со вторым он справился втрое быстрее. Жрица, которая всё это время бережно удерживала голову студентки в своих ладонях, могла теперь полноценно обследовать пострадавшую. В перерывах между заклинаниями Донния вздыхала, и маг видел, как непросто ей держать себя в руках и концентрироваться.

– Рука сломана заклинанием, – еле слышно говорила она, – рана на ноге оставлена стрелой, щека разорвана чем-то острым. Обо всём остальном я не могу сказать наверняка. Думаю, она убегала от погони и много раз падала, прежде чем тени настигли её...

– Тэрон дал ей перья, чтобы предупредить других, – глухо отозвался Келлард. – Когда-то это было условным знаком у призывателей. Чёрное перо означало возможную опасность. Когда нельзя было оставить записку, использовали мелкие пёрышки. Никто не обращает на них внимания. Должно быть, она что-то знает. Нужно привести её в себя и расспросить!

Но сколько сил ни вливала Донния в безучастно лежавшее на столе тело, студентка из Трира не желала просыпаться. Жрица испробовала уже весь свой арсенал заклинаний, но золотисто-белый свет, что порождали её чуткие пальцы, исчезал при соприкосновении с кожей девушки.

– Я словно пытаюсь поджечь воду, – горько сказала она, прикрывая маленькие острые груди девушки остатками рубашки. – Боюсь, мы действительно опоздали. Жизнь угасает в ней, уходит всё дальше и дальше, и я не могу ничего сделать.

Она подняла голову, и Келлард увидел, что на лице любимой залегли сизые тени усталости. Глаза её уже не сияли, как обычно, их переполняли внутренняя боль и разочарование.

– Попробуй ещё раз, – неожиданно для самого себя произнёс маг и обнял её за плечи, прижался к спине, согревая озябшее в тонких шелках прекрасное тело. – Я знаю, что ты не сумеешь взять мой дар, но возьми от жизненной силы. Не для неё, для себя. Попробуй в последний раз.

– Что ж, – согласилась Донния, положив узкую ладонь на лоб девушки, – я позову её, а ты просто будь рядом.

– Я буду рядом, – прошептал он и закрыл глаза.

«Я всегда буду рядом». И пусть это была ложь, но он делал это ради спасения жизни. Ради спасения юной волшебницы, чья кровь несла в себе тёмный дар. Сейчас он в полной мере осознал, что это по-настоящему важно.

***

Сначала был холод – острый, пронизывающий до костей. Он пришёл на смену усталости и боли, сковал неподвижное тело Лизы и не давал уже ни пошевелиться, ни вздохнуть. Такой бывает вода в проруби зимой, если сунуть в неё руку и поддержать несколько мгновений. Первое время кажется, что вода обжигает, но после в кости забирается нестерпимый мороз и пальцы уже не отзываются на попытки пошевелить ими. Что бывает дальше – она не знала. Фред как-то раз хотел проверить, можно ли призвать огонь и обогреться, засунув руки под лёд, но ничего не вышло. Юный маг огня простудился и целую неделю пролежал в постели с кашлем и лихорадкой. Мама передавала Лизе из клиники свежие отвары и эликсиры, а отец выслушивал дыхание сына через трубку и ворчал, что Фред сам себя наказал. И правда: для взбалмошного подростка не было худшего наказания, нежели быть запертым в доме, когда друзья строили крепости из снега и бегали в Заречье по застывшей тёмным зеркалом реке.

Воспоминания были обрывочными, они то проступали из небытия яркими пятнами, залившимся смехом рыжих сестрёнок, огненными всполохами заклинаний и трепетом синих школьных занавесок, то смешивались, таяли и исчезали, как расколотый лёд по весне. В какой-то миг Лиза не нашла уже сил для того, чтобы дышать, – и перестала. Ей показалось, что мягкий болотный мох расступился, и она утонула в нём, оставив на поверхности всё, что терзало её измученное тело. Больше не было ни холода, ни страха, ни вспышек сознания. И прошлое, и будущее погрузились в бесконечный туман.

К своему удивлению, Лиза обнаружила, что вполне осознаёт настоящее: её окружил знакомый мерцающий сумрак, из глубины которого доносилось заунывное пение теней. Под ногами во все стороны разбежались дорожки из странного серого материала, похожего на каменную крошку. Девушка осторожно пошла по одной из них, прислушиваясь и жадно вглядываясь в густо-серое небо, что нависало над самой головой. Ни солнца, ни луны, ни строений или деревьев вокруг не было видно, но в зыбком и подвижном воздухе иногда проплывали силуэты неведомых волшебнице существ. Пару раз тени оказывались совсем близко от её лица, но то ли не замечали её присутствия, то ли случайно угодившая в их царство гостья была обитателям сумрака не интересна.

– Лизабет, где ты? – эхом донёсся знакомый негромкий голос, и она поспешила в ту сторону, откуда он послышался.

– Я здесь! – крикнула она, не понимая до конца, есть ли у неё ноги, чтобы бежать, или в этом измерении можно просто лететь куда вздумается.

Миновав несколько перекрёстков, совершенно одинаковых, тонущих в неверном тумане, она остановилась и снова прислушалась.

– Ты где? Я не вижу тебя! – звал её тот, кого она любила, и голос его был полон отчаяния.

Она не помнила, как они потеряли друг друга, какая сила разлучила их, но здесь и сейчас у них появился шанс вновь встретиться.

– Куда мне идти? – прошептала она, но, как ни странно, любимый услышал её и отозвался.

– Найди выход отсюда, найди его. Времени слишком мало!

– Я хочу найти тебя, а не выход! – вновь закричала Лиза, но ответом ей была тишина.

Усталости больше не существовало, а потому она долго металась среди серых тропинок и рваных, безразличных ко всему теней. Он ушёл из междумирья, поняла девушка. Сколько бы она ни звала и ни искала его, он уже не отзовется. Мир вокруг не менялся. По ощущениям, прошло много долгих часов, но в непроницаемых облаках не было признаков рассвета или заката. Опустившись на обочину безликой сумрачной тропинки, Лиза вспомнила, как попала сюда:

она перестала дышать. Означает ли это, что для следующего перехода ей требуется успокоиться и здесь? Например, перестать двигаться, замереть, закрыть руками уши, чтобы не выслушивать в монотонном гуле теней голос, который исчез навсегда.

Покой накрывал её тёплым мягким одеялом, умирняя недавнее волнение. Стало так легко и тепло, что Лиза заулыбалась и закрыла глаза. Она обязательно найдёт любимого... потом, вот только немного поспит – и сразу отправится на поиски. С чего он взял, что здесь нельзя задерживаться? Почему так волновался? Глупый эльф. Слишком хорошо, чтобы вставать и идти куда-то прямо сейчас. Спать, скорее спать. И она вновь почувствовала, как проваливается куда-то в глубину, ещё более нежную и уютную, как вдруг над самым ухом зазвучала настойчивая, тревожная песня.

Мелодия показалась ей смутно знакомой, она определённо слышала её раньше, вот только на этот раз слова были обращены к ней самой, а не к кому-то другому. И слова эти мешали уснуть, мешали забыться, раздражали слух и вселяли волнение в сердце. Хотелось спрятаться от них, не замечать, но это было невозможно. Лиза приоткрыла глаза и зажмурилась от света: сумрачный мир вокруг неё плыл, менялся. Высокий женский голос разрушал его своими заклинаниями, и девушка отчаянно хотела защитить свою новую обитель, избавиться от назойливого пения. Голос подхватывал Лизу, как течение увлекает за собой маленькую щепочку, вытаскивал её из уютного тёплого места обратно, туда, где были невыносимый холод и сильная боль. Зачем?

– Нет, – было первое, что прошептала она непослушными губами, и кто-то заботливо коснулся их мягкой тряпочкой, смоченной чем-то сладковатым. Несколько капель попало на язык, и девушка невольно попыталась облизнуться.

– Да, – ответил ей голос.

Тот самый, что пел странную песню. Лиза поняла, что заклинание больше не звучит, а значит, можно вернуться обратно в сумрак. Вот только как это сделать, она не знала: туман растаял, всё исчезло, и нежные руки скользили по её щекам. Она вспомнила, где и когда слышала эту песню: её пела мама, когда-то очень и очень давно, трескучей зимой в Ольдене. «Родители нашли меня в лесу, они спасли меня», – догадка осенила ещё не проснувшееся сознание, и Лиза хотела пошевелиться.

– Мама, – тихо позвала она.

– Я не твоя мама, но ты будешь жить, – сказала целительница, поглаживая девушку по голове.

– Но я не хочу, – ответила Лиза, силясь вспомнить почему, но потом сказала то, что просилось наружу, – слишком больно.

– Боль пройдёт, мы поможем тебе, – не отнимая рук, произнесла женщина. – А ты поможешь нам.

Чем она может помочь этим людям, если даже пошевелить пальцами не в силах? Девушка на какое-то время сосредоточилась на дыхании, удивляясь, что недавно дышать ей вовсе не требовалось. Пока она молча размышляла, женщина переговаривалась с кем-то стоящим поодаль, и другой голос принадлежал мужчине, вот только слов было совсем не разобрать. «Почему, почему я ничего не понимаю?» – заметалась её душа, но спустя минуту Лиза догадалась. Они говорили по-эльфийски! Её нашли эльфы и для чего-то вернули из сумрака!

Говорившие начали о чём-то спорить, и вскоре эльф приблизился к лежащей на столе девушке, склонился над ней и потряс за плечо.

– Я хочу знать, что произошло в Академии Трира! – резко сказал он, но она разобрала только «я» и «Академия Трира», все остальные слова, произнесённые сухо и слишком быстро, прозвучали набором бессмысленных звуков.

– погоди, дай ей опомниться, – целительница говорила медленно и спокойно.

Её ладони всё ещё источали согревающий свет, и хотя Лиза чувствовала, как где-то внутри рождается мелкая нервная дрожь, прикосновения эльфийки были необыкновенно приятны. Вскоре вместо расплывчатых пятен девушка начала различать красивые, но усталые и озадаченные лица своих спасителей. Жрица заговорила вновь:

– Келлард нашёл тебя в лесу с той стороны Вечных гор. Сейчас ты в старых подземельях Храма Ньир, на эльфийской стороне. Он принёс тебя через сумрачные порталы. Меня зовут Донния. А ты помнишь своё имя?

– Помню... – нахмурилась Лиза.

Эльфийка говорила с ней на языке людей, но слова произносила почти так же, как эльфийские – растягивая некоторые звуки и словно нараспев. Но главным было не это. То, что услышала Лизабет, одним махом разрушило последнюю спасительную преграду, сотканную сумрачным миром. В один миг воспоминания обо всём случившемся хлынули на неё, и она долго не могла найти в себе сил говорить, задыхаясь и надеясь вновь провалиться в спасительный туман. Донния удерживала её, маг нетерпеливо расхаживал взад и вперёд по лаборатории.

– Я знаю, кто вы, – выдохнула наконец девушка. Маг не понял её слов, но тут же кинулся к ней и пронзил взглядом потемневших глаз. – Велиор рассказывал мне о вас... И магистр Тэрон тоже.

– Ты знаешь Велиора? – Келлард вцепился в имя сына, единственное, что понял из сказанного студенткой.

– Да, – еле слышно ответила она и кивнула. – Он был мой... мы были вместе.

Маг нетерпеливо обернулся к Доннии, и та перевела.

– Где он, где мой сын? Где магистр? Как твоё имя, демоны тебя раздери?!

– Их убили люди из Ордена, – с трудом произнесла Лиза.

Дышать было тяжело, рука с каждой минутой всё больше заполнялась пульсирующей болью, раны на ноге и на щеке пылали так, словно их засыпали жгучим перцем.

– Ты видела это? – эльф вцепился в ворот её разрезанного на груди платья, и она ощутила дрожь в его руках. – Ты видела, как погиб Велиор?

– Нет, не видела, – хватая воздух вновь пересохшими губами, ответила девушка. – Но магистр Тэрон умер на моих глазах... и я взяла его перья.

Жрица переводила, и её прекрасные светло-голубые глаза блестели от слёз, как два маленьких серебристых озера. Маг разжал пальцы, и Донния осторожно отстранила его от девушки.

– Перенеси её в кровать, и я займусь её рукой. Не хочу, чтобы она лежала на лавке, где вы возитесь с мертвечиной.

– Почему мы должны ей верить? – он вскинул подбородок и с ненавистью посмотрел в сторону найденной студентки. – Кто она такая? Мой сын никогда не связался бы с человеческой девкой!

– Я Лиза Сандберг из Фоллинге, – вдруг сказала она, не дожидаясь перевода злобной эльфийской фразы. – Магистр Тэрон говорил, что моего отца зовут Гаэлас, и он один из призывателей.

Глава 5

Келлард недоверчиво замер. Лицо его сложно было представить более мрачным, чем обычно, но теперь оно стало похоже на застывшую болезненную маску. Он медленно сделал шаг, разглядывая Лизу вновь, так, будто только что увидел её впервые. В приглушённом магическом свете на него испуганно смотрели две пары глаз. Даже Донния, знавшая мага уже не один год, не могла бы предсказать, что он скажет или сделает в следующий момент. Здоровой рукой Лиза придерживала распоротые края рубашки, прикрывая грудь, и это маленькое действие требовало от неё больших усилий: пальцы не хотели сгибаться и оставались холодными, как лёд.

– Не может быть, – хмуро пробормотал наконец маг и накрыл ладонью её руку.

Её дар ещё не до конца проснулся, угнетённый миралитом и физической болью. К тому же Донния основательно потрудилась над девушкой, окружив её исцеляющими и восстанавливающими заклинаниями. И всё же ошибки быть не могло – магия в крови Лизы была такой же, как у Гаэласа. Люди из Ордена Инквизиции вынуждены прибегать к специальным процедурам и зачарованным устройствам, чтобы распознавать некромантов. Тёмные маги чувствуют друг друга при помощи своего дара, именно поэтому ни одному шпиону не удалось пробраться в ряды Гильдии призывателей теней. На особом сродстве к сумраку и держались все пока ещё не уничтоженные изобретения призывателей. И Дорога мёртвых – тоже.

– Дорога мёртвых разрушится без Тэрона, – тихо промолвила Лиза в ответ на его мысли.

Её рука чуть дрогнула, и маг поспешно убрал свою. Донния перевела сказанное, устало вздохнув.

– Она уже разрушается, – сухо подтвердил маг.

– Магистр сказал, что я должна занять его место, что у меня хватит сил... – прошептала девушка.

Келлард покачал головой:

– Твоих сил не хватит, люди слишком слабы для подобных вещей. Мы потеряем наш сумрачный путь, и надежда окончательно угаснет. У тех, кто ещё на что-то надеется. Но я к ним не отношусь. Я давно знаю, что всё потеряно.

– Тогда для чего вы спасли меня? – поймав его взгляд, спросила Лиза.

– Мой друг Гаэлас некромант, – поморщившись, ответил маг, по распоряжению Доннии подхватывая девушку на руки, чтобы перенести в постель. – Я подумал, что ты ему понадобишься.

У Лизы моментально закружилась голова, и она невольно прислонилась щекой к плечу эльфа. Под грубоватой тканью простой одежды его кожа была тёплой, несмотря на то, что вёл он себя холодно и недоверчиво. Отчего-то она сразу поняла, что маг не причинит ей зла. Велиор неохотно рассказывал про отца, но всё же временами было видно, что размолвка отравляет душу возлюбленного Лизы.

Они миновали короткий коридор и оказались в небольшой уютной комнате с низким потолком, причудливыми эльфийскими гобеленами на стенах и тёмным от сажи камином. Келлард опустил девушку на узкую кровать у стены и вновь нахмурился, возвращаясь к мыслям о неправильно работавшем портале.

– Полагаю, магистр Тэрон достаточно доверял тебе, раз ты столько знаешь о наших секретах. Могу предположить, что и Гаэлас будет счастлив тебя видеть. Тем более что он собирался в Академию на твои первые экзамены. Но не думай, что сумеешь втереться в доверие ко мне только потому, что мой сын задирает тебе юбку.

Донния возмутилась и не стала переводить последние слова мага. Он развернулся и порывисто вышел из комнаты, оставив жрицу наедине с её пациенткой.

– Не беспокойся, – мягко сказала она, присаживаясь на край постели и расставляя на низеньком прикроватном столике эликсиры и баночки с мазями, – он привык, что все ненавидят его, и старается быть невыносимым всегда. Чтобы никому не пришло в голову, какой он на самом деле.

Лиза кивнула и послушно проглотила зелье с длинной серебряной ложечки. Вопреки её ожиданиям, оно оказалось совсем не горьким и разлилось внутри ласковым теплом. Полусидя на подушках, некромантка задумчиво разглядывала опухшую руку, не представляя, что жрица собирается делать с ней. Ей было всё равно. После того, как слова о смерти Велиора прозвучали из её собственных уст, она вдруг осознала, что жизнь внезапно переломилась и потеряла всякий смысл. Келлард был прав: у магов с проклятой кровью не осталось никакой надежды. Вскоре разрушится дорога, которую построил её настоящий отец, затем Орден найдёт и уничтожит уцелевшие пристанища некромантов и призывателей. Должно быть, последние слова сердитого эльфа были как раз об этом. Она ничего не сможет изменить, потому что её сил попросту не хватит, но если бы выжил Велиор, он бы сумел занять место Тэрона. И тогда призрачная, крохотная надежда осталась бы в живых.

– Сейчас я буду ремонтировать твою руку, – сообщила Донния, вымученно улыбнувшись. – Ты ничего не почувствуешь, но и шевелиться будет нельзя.

Девушка не успела даже моргнуть, как её сковало сильное парализующее заклинание.

***

Ни один лучик света не проникал в глубокие подземелья. Келлард взмахом руки потушил все магические светильники и погрузился в знакомую непроницаемую тьму. Время перестало существовать, место не имело никакого значения. Спираль часов скрипнула и остановилась, будто сумела осознать собственную неуместность. Маг опустился на пол у стены и попытался выкинуть из головы найденную девчонку, её хрупкие эльфийские черты и отчаянный взгляд. Велиор любил её – Келлард понял это сразу. У неё были человеческие повадки и скруглённые человечесьи уши, но дар был абсолютно чистым. Некроманты, подобные ей, стали большой редкостью.

Солнце прокатилось по небосводу, храмовый сад и семьдесят ведущих вниз ступенек погрузились в прозрачные майские сумерки, но ни занятая исцелением раненой девушки Донния, ни отрешившийся от реальности маг этого не заметили. Келлард очнулся от шагов жрицы, которая безошибочно отыскала его в темноте и присела рядом.

– Мне жаль, – тихо сказала она, обнимая его за плечи, – мне жаль, что вы не успели помириться.

– Велиор не желал меня слушать, – хрипло отозвался маг. От долгого молчания у него пересохло в горле. – Да и тебя тоже. Глупый мальчишка... я говорил ему, что в стране людей таким, как мы, не место.

– Он любил Академию и магистра Тэрона тоже, дело ведь было не только в нас с тобой. – Донния забралась на колени эльфа и прильнула к его груди.

– Как девочка? – прошептал он, бережно прижимая к себе жрицу.

– С ней всё будет хорошо, – отозвалась она, вздыхая. – Я буду приходить каждый день.

– Ты потратила много сил, – отрешённо произнёс Келлард, перебирая волосы любимой.

– Ничего, ты ведь знаешь, что у жриц есть особые ритуалы восстановления. Завтра утром я снова буду полна сил. – Она поцеловала его в висок. – У меня есть просьба.

– Прийти на твою свадьбу? – горько усмехнулся он. – Я приду, Донния. Обещаю.

– Я хочу, чтобы будущей ночью ты был рядом с Лизой. Она ещё слишком слаба и всё время мёрзнет. Нужно, чтобы поблизости находился кто-то... живой.

Маг содрогнулся от нервного смешка:

– Думаешь, я смогу сойти за живого?

– Я знаю, каким ты бываешь иногда, – прошептала жрица в его ухо и поднялась на ноги. – Мне пора возвращаться к себе.

Свет зажегся нехотя, с лёгким потрескиванием в прилаженных на стены стеклянных колбах фонариков. Келлард стиснул девушку в объятиях и вдохнул напоследок запах её волос.

– Ты спасла её, – еле слышно сказал он. – Ты спасла дочь Гаэласа.

– А ты нашёл её, и я не верю, что всё это случайность.

Донния выскользнула из его рук и поспешила к выходу.

– Донния, подожди, – окликнул он её в спину уже на лестнице.

Лёгкие шелка платья взметнулись и снова опали, когда целительница обернулась. Маг поспешно взбежал следом, взял её за плечи и отчаянно заглянул в глаза. Три слова, всего три слова, сказать которые он должен был уже давно. «Я люблю тебя, я люблю тебя», – кусая губы, думал он, но произнести это не было никаких сил.

– Я люблю тебя, – просто сказала она и коснулась его сухих губ. – До завтра.

Он послушно разжал пальцы и отправился вниз – разводить камин для спасённой девушки.

***

Лицо матери не предвещало ничего хорошего. С годами Донния выучилась безошибочно определять настроение Верховной жрицы ещё задолго до того, как та начинала говорить или пронзала непослушную дочь холодным серебряным взглядом. Вот и сегодня по тому, как напряжены были плечи и шея родительницы, как высоко была задрана её голова с изысканно заплетённым пучком, как нервно тонкие пальцы теребили вышитый гербами платок, целительница поняла, что её ждёт непростой разговор. Каблуки высшей эльфийки вонзались в ромбические плитки храмового пола так, словно желали расколоть их, как хрустальные блюдца.

– За тобой посылали уже трижды, – голос матери стеклянно дребезжал, – принц Лорион хотел тебя видеть!

– У меня были дела, – Донния неопределённо махнула рукой и принялась поправлять свечи и чаши с подношениями у алтаря Ньир.

Ей хотелось побыть одной, посидеть на шёлковых подушках под сводами Храма, глядя на голубые огоньки у подножия богини, неспешно выпить бокал лунного эля и привести в порядок разрозненные мысли. Мать рассчитывала на другое, и ей нужны были немедленные ответы.

– Какие дела? – повысила голос жрица, миновав разделяющее их расстояние и вперившись в лицо дочери острым, презрительным взглядом. – Какие дела могут быть у тебя вне Храма и вне дома? Ты снова встречалась с этим мерзким колдуном? Снова спускалась в его подземелье?

Она знает, разумеется. Осведомлённость матери не стала для девушки большим сюрпризом, лишь затронула в ней ту сокровенную струнку, о существовании которой никто не должен был догадываться. Это было и больно, и странным образом приятно. Донния вообразила, как слуги барабанили в накрепко запертые дубовые двери убежища призывателей, и невольно улыбнулась: расслышать что-либо в глубинах подземных лабораторий не представлялось возможным. Верховная жрица цепко ухватила её за подбородок, не давая опустить глаз.

– Он не мерзкий, – упрямо сказала девушка.

– Это не тебе решать! – воскликнула мать. – Мы живём не в глухом лесу, не в пещере и не в чистом поле, мы живём в высшем обществе, где установлены определённые правила поведения. И соблюдать эти правила – наша обязанность. Близится твоя свадьба, приглашена королевская семья, а ты целыми днями болтаешься неизвестно где, да ещё и путаешься с какими-то теньвыми отступниками! Ты хочешь, чтобы поползли слухи о твоей распущенности?

– Если это избавит меня от необходимости выходить за Первого рыцаря, то да, хочу! – резко ответила Донния, вывернувшись и отступив на шаг назад.

Верховная жрица задохнулась от возмущения и сжала кулаки. Казалось, она вот-вот набросится на дочь, и только страх быть застигнутой кем-то из младших послушников Храма сдерживает эльфийку от столь радикального шага. На светлой коже женщины выступили розовые пятна гнева. Она стиснула руками виски и покачала головой:

– Никогда не думала, что моя собственная дочь вырастет такой эгоисткой! Неужели тебя нисколько не волнует благополучие твоей семьи, твоих родителей и сестёр? Ты получила всё, что только возможно для эльфов нашего сословия, всё лучшее. У тебя было в достатке любви и внимания, превосходные учителя, слуги, достойные и дворцовых покоев!

– Мама, я благодарна вам за всё это, но...

– Благодарна? – перебила Доннию мать, тряхнув головой. – Ты благодарна, я не ослышалась? Своим поведением ты бросаешь тень на всю нашу семью и смеешь ещё называть это благодарностью?!

В этой надменной, нервной и холодной женщине не осталось почти ничего от той эльфийки, что когда-то сопровождала отряд Хранителей и брала с собой в походы по Ничейным землям юную дочь. Трудно было поверить, что эти хрупкие руки, униженные перстнями и браслетами, не раз спасали жизнь раненым солдатам и способны были с одинаковой ловкостью и разжечь костёр на ветру, и обуздать лошадь, и приготовить горячую похлёбку из лесных корней и подстреленного на охоте зайца. Фэит, эльфийская столица, а также то самое высшее общество, положением в котором Верховная жрица теперь так дорожила, заставили её забыть о прошлом, будто в нём было что-то постыдное. А в настоящем жизнь эльфийки наполнилась не столько служением лунной богине, сколько попытками удержать все нити управления Храмом и все необходимые связи с капризным и весьма притязательным королевским двором.

– Призывателям нужна была моя помощь, – тихо сказала девушка. – Разве не ты говорила мне, что спасение жизни у таких, как мы, стоит превыше всех прочих обязанностей?

– Тебя разыскивали люди Лориона! – пропустив признание дочери мимо ушей, крикнула мать.

– И что с того? – не выдержала Донния. – Разве принц смертельно болен, разве он не может подождать? Я нужна ему для того, чтобы уговаривать птичью девушку полюбить его всем сердцем! Но пленница не станет его любить, как и я никогда не буду принадлежать этому вашему рыцарю! Никогда, слышишь!

– Ты не понимаешь, что говоришь! Я пребывала в полной уверенности, что моя дочь выросла и выучилась уважать интересы семьи, но я ошиблась. – Охваченная разочарованием, Верховная жрица металась по залу, и её многослойные одежды издавали едва заметный стеклянный шелест. – Ты дала слово, Донния. И ты сдержишь его, клянусь светом Ньир! Ты молода и не так разумна, как мы все думали, но ты не способна на предательство.

– Я сдержу слово, – покивала девушка, глубоко вздохнув. – Но вы не можете требовать от меня любви к нему.

Мать остановилась, немного успокоенная ответом дочери, символически промокнула платком уголки глаз, хотя они оставались сухими на протяжении всего разговора. На столике у окна звякнул потревоженный всё ещё дрожащими руками графин с голубоватым напитком. Эльфийка прикоснулась к краешку бокала и сделала аккуратный глоток.

– Ты права, – неожиданно для Доннии промолвила мать, – невозможно любить по распоряжению.

– Значит, на самом деле ты понимаешь меня? – с надеждой промолвила девушка.

– Разумеется, – сказала Верховная жрица и вновь пригубила напиток. – И никто не требует от тебя особых чувств по отношению к Первому рыцарю. Скажем так, душа и сердце здесь немного ни при чём.

– Что это значит? – почувствовав тревогу, спросила Донния.

– Это значит, что есть вещи, которые необходимо делать ради сохранения мира в семье и удержания социального статуса, вот и всё.

Мать бесшумно поставила бокал на его прежнее место возле графина.

– Я не думала, что мне придётся объяснять тебе очевидное. Твои сёстры никогда не нуждались в наставлениях старших, уже с детства они поняли, как следует вести себя в кругу королевской аристократии, – продолжила она, восстанавливая дыхание после сильного волнения.

– Проводить дни в обсуждении платьев, побрякушек и городских сплетен? Ты считаешь это подходящим занятием для своих дочерей?

– Ты мыслишь примитивно, словно тебе до сих пор пятнадцать и все твои заботы сводятся к беготне с волком по двору замка Хранителей и болтовне с солдатами! – Рука матери повелительно взметнулась вверх, не давая Доннии возразить. – Поддержание репутации – это серьёзная работа. В силу того, что ты унаследовала мою магию, тебя избавили от множества необходимых девочкам твоего круга уроков. Не изнуряли танцами и поклонами, заменив всё это магическими практиками. Я думала, ты впитаешь всё необходимое сама, ведь маги куда лучше чувствуют настроения и помыслы окружающих. Твоё теперешнее поведение не что иное, как мой просчёт. И я намерена его исправить, пока есть немного времени.

– Исправить? – переспросила девушка, вдруг заметив выходящих из боковых проходов в зал воинов Храма.

Пятеро одетых в серебристые кольчуги и вооружённых длинными парными саблями эльфов, чьи лица скрывали серые полумаски с изображением луны и звёзд, мягко ступая, окружили Верховную жрицу и её дочь. Донния почувствовала себя в ловушке и хотела было покинуть сомкнувшееся кольцо, но один из воинов сложил руки в запрещающем жесте.

– До возвращения Первого рыцаря Талемара и вашей свадьбы ты будешь находиться под домашним арестом, – объявила мать, вновь обретая уверенность и свой обычный цвет лица. – У тебя будет всё необходимое. Ты сможешь принимать подруг и сестёр, они помогут выбирать ткани для свадебного платья и причёски. Послушники принесут твои любимые альбомы рисунков и книги. Музыка, танцы, стихи... тебе некогда будет скучать или заниматься вредными глупостями.

– Что? – От негодования девушка не сразу нашлась, что сказать. Сердце взвилось в её груди непокорным огнём, и она бросилась на одного из охранников, пытаясь оттолкнуть. Мускулисту воину в броне не составляло никакого труда выдерживать её трепыхания, он даже не шевельнулся. – Вредными глупостями? Знаешь ли ты, мама, что Велиора больше нет в живых? Что магистр Тэрон убит Орденом Инквизиции?! Что Трир захвачен, и птицам и эльфам больше нет дороги на ту сторону гор?

На лице Верховной жрицы отразилось короткое замешательство, но женщина быстро справилась с эмоциями.

– Мне жаль Велиора, дочка, он был талантливым магом. Но ему не повезло родиться в семье недалёковидных отступников, которые имели связи с людьми и закономерно обрекли себя на гибель. Потому я и не желаю, чтобы ты виделась с его отцом или Гаэласом, ничего хорошего из общения с призывателями ты не почерпнёшь.

– Ты не можешь запереть меня! – всё ещё не веря в решение матери, воскликнула Донния.

– Я вынуждена оградить тебя от опасности. – Эльфийка сделала знак воинам. – Ради твоего же благополучия и сохранения доброго имени нашей семьи. Отведите её домой. Охраняйте двери, окна и ворота поместья. Тот, кто упустит мою дочь, лишится головы.

Девушку подхватили под руки, видимо, опасаясь, что она вздумает оказывать сопротивление или колдовать, но она уже поняла, что прямо сейчас вырваться не удастся. В последний раз оглянувшись на мать, Донния стиснула зубы и последовала вместе с неожиданной охраной к выходу из Храма Ньир.

Глава 6

Рыжий огонь с треском плескался в чёрной нише камина. Мелькающие отсветы пламени выхватывали из густой темноты подземного жилища неподвижную фигуру призывателя. Поначалу Лизе подумалось, будто маг заснул или погрузился в глубокий транс, и она долго-долго старалась совсем не шевелиться, чтобы не показать, что к ней вернулось сознание. На этот раз она спала крепко и безо всяких видений, а проснувшись, чувствовала себя абсолютно живой и даже как будто отдохнувшей. Сломанная рука была прибинтована к короткой дощечке и совсем не болела, раны стягивали повязки с душистой травяной мазью.

Девушка незаметно подвигала пальцами ног, попробовала согнуть колени, на всякий случай проверила здоровой рукой, на месте ли её нижняя рубашка и панталончики. В углу, где располагалась постель, было так темно, что через некоторое время Лиза осмелела и аккуратно приподнялась на локте, разглядывая освещённую полукругом часть комнаты напротив камина. Теперь она заметила, что Келлард всё-таки не спит – в его пальцах было одно из принесённых ею перьев магистра Тэрона. Маг задумчиво смотрел в огонь. Его точёный профиль, если не принимать во внимание хмуро сдвинутые брови, живо напомнил ей Велиора. Лоб, нос, губы и подбородок безошибочно роднили этого сурового колдуна с её убитым искателями возлюбленным. Что чувствует сейчас эльф, о чём задумался? Жалеет ли он о размолвке с сыном или считает, что Велиор получил по заслугам за то, что покинул родные края и жил на стороне людей? У Лизы невольно сжалось сердце, и она откинулась назад на подушку, нечаянно скрипнув старой кроватью.

Бесшумно поднявшись, маг приблизился к ней и коснулся прикроватного светильника. Тот медленно, неохотно разгорелся волшебным светом, и Келлард разглядел вжавшуюся в подушку испуганную девчонку. Дочь Гаэласа сверкала на него тёмными глазами, натянув одеяло едва ли не на самый нос.

– Лежи смиренно, – сказал он по-эльфийски, подкрепив слова соответствующим жестом.

После этой команды лежать, не подавая никаких признаков жизни, стало невозможно. Всем своим телом, каждой его клеточкой, Лиза ощутила потребность как можно скорее встать или хотя бы сесть. Спина и ноги её начали ныть от длительной неподвижности, да и необходимость справить малую нужду заставила украдкой отыскать глазами заботливо задвинутое под прикроватный стол ведёрко. Впрочем, от мага её судорожные метания взглядом по комнате всё-таки не укрылись, он вздохнул и протянул ей руку, чтобы помочь подняться.

Воодушевлённая приливом сил, Лиза проворно села, спустила ноги с постели и встала. Обманчивая лёгкость продержала её в вертикальном положении несколько секунд. Она хотела попросить мага выйти ненадолго, но тут её накрыла волна сильнейшей слабости, в ушах раздался оглушительный звон, свет камина заволокло тьмой, и если бы Келлард не успел подхватить её, она так и растянулась бы на полу возле кровати.

– Ишь, какая шустрая, – сердито прошипел эльф, усаживая её на край матраса. – Куда побежала?

Она судорожно хватала ртом воздух, не понимая ни слова. Порой Велиор принимался учить Лизу эльфийскому языку, она даже вела специальный блокнот, куда записывала новые слова, но времени на эти занятия им часто не хватало, и влюблённые обходились тем языком, который знали оба, – человеческим. Блокнот, как и все её учебники, тетради и конспекты, записанные на длинных свитках, остались в маленькой башенке в Академии далеко-далеко отсюда. Быть может, их уже нашли искатели и прихватили в качестве доказательств обучения тёмной магии или же попросту бросили в костёр и сожгли.

Счастье любви и радость от общения со строгим, но понимающим учителем разрушились так быстро, что девушка никак не могла осознать: прошло совсем немного времени после

захвата Трира. Тёмный лес, где она блуждала, продираясь сквозь заросли кустарника, беспризорные тени возле сумрачного разрыва, долгий полёт (или падение?) в затянутую туманом мглу – всё это произошло совсем недавно. Должно быть, Орден Инквизиции в Академии до сих пор проверяет учеников, а улицы Трира охвачены боями и беспорядками. И Велиор... может, он так и лежит в одном из коридоров, и никто не позаботился о его теле. Лиза вдруг вцепилась в рукав сидящего рядом мага и прошептала:

– Давно вы меня нашли? Сколько я здесь?

Келлард внимательно рассматривал её лицо, словно пытался прочитать на нём смысл сказанных слов, но после только коротко мотнул головой и, убедившись, что падать спасённая девушка больше не собирается, оставил её на несколько минут одну. В этот раз Лиза была осторожна – и когда вставала, и когда наклонялась выдвинуть заветное ведёрко. Возле камина она разглядела ковш с водой и медленно, опираясь на стену, добралась до него. Как смогла, умылась одной рукой и сделала несколько глотков. Когда недоверчивый колдун вернулся, некромантка продумывала обратный путь, робко оглядываясь за спину.

– Я же сказал тебе лежать смирно! – резко бросил ей эльф.

Он пришёл с потрёпанной толстой книгой, желая скоротать ночь за чтением, и по всему было видно, что возня с пациенткой раздражает его ещё больше, чем само её появление в Фэите. Поднимая в лесу бесчувственное тело, он наверняка надеялся складировать его где-нибудь в сырой подвальной нише, чтобы подарить по возвращению другу Гаэласу, а тело посмело не только вставать, но и задавать какие-то непонятные вопросы.

Лиза дрожала от волнения и озноба: несмотря на разожжённый камин, её снова захлёстывал могильный холод. Действия заклинаний и эликсиров целительницы уже ослабевали. И каким-то внутренним чутьём она понимала, что маг хорошо чувствует её состояние. Тёмный дар позволял ему воспринимать без слов и боль, и слабость, и страх подобных существ. Скрипнув зубами, Келлард принёс с постели шерстяное одеяло, грубовато обернул его вокруг плеч Лизы и помог ей сесть у огня. Сам он взялся за кочергу и принялся поправлять поленья.

– Никогда ещё не приходилось быть сиделкой возле больной, – буркнул он, нарочно громыхая кочергой о чугунную решётку.

– Это комната Гаэласа, да? – спросила Лиза, обводя рукой окружающее пространство.

Эльф понял, утвердительно кивнул и отбросил своё оружие на поленицу.

– А где он сейчас? Где мой отец? – тихо, но настойчиво принялась выспрашивать девушка, буравя мага отчаянным взглядом.

– Далеко, – дёрнул плечом Келлард. – Вечно впутывается в какие-то неприятности на другом конце света.

Губы Лизы дрогнули в слабой улыбке. Хотя она и не поняла ни слова, в интонациях мага ей почудилось скрытое тепло. Дрова в камине разгорелись с новой силой, жар добрался до промёрзших косточек некромантки, и через какое-то время она немножко высунулась из своего шерстяного кокона. Келлард пробежал глазами страницы потрёпанного фолианта. Было видно, что он не читает, но ищет определённую информацию, иногда зацепляясь за рунические формулы или маленькие рисунки на полях книги.

– Сколько тебе лет? – вдруг спросил он, даже не взглянув в её сторону. Кончик пальца он удерживал на затёртом до дыр рисунке.

Этот вопрос был записан у Лизы в блокноте, и она сразу поняла его и ответила так же по-эльфийски:

– Восемнадцать.

– Это хорошо, – чуть мягче сказал эльф. – Другого выхода у нас всё равно нет.

Она потянулась и подобрала лежащее у колена мага перо Тэрона.

– Вы думаете, я всё-таки смогу занять место магистра? У меня получится? Ну... когда я окончательно выздоровею.

Келлард выхватил перо из её пальцев и заложил на выбранной странице:

– Я не знаю, – вновь раздражаясь от человеческой речи, сказал он, – пусть Гаэлас решает.

Кажется, только в этот момент Лиза начала понимать, что все обрывочные и не совсем понятные ей разговоры о таинственном эльфийском некроманте были правдой. Прежде образ Гаэласа представлялся ей словно ненастоящим, вымышленным. Так люди в деревнях иногда выдумывают не существующих в действительности демонов и прочих теневых сущностей, которые якобы проникают к ним в дома, портят детей болезнями, а молодых девушек и парней – развратными сновидениями. Бывали случаи, когда дело доходило до Ордена, и в указанное селение приезжали инспекторы и искатели в надежде обнаружить подпольного колдуна, смущающего честный люд призывом нечестивых тварей. Чаще всего расследование начиналось и заканчивалось уже на стадии опроса очевидцев. Выяснялось, что демона видела соседка кухни подруги или брат свата кузнеца на четвёртый день запоя.

Отогревшись, Лиза всё думала о том, что Гаэлас иногда живёт в этой скромной тёмной комнате с закопчённым потолком, что сидит вон на том вычурном стуле с круглой резной спинкой, а его вещи наверняка висят вон в том угрюмом шкафу, над которым болтаются ключья паутины. Ей хотелось бы прикоснуться и к его одежде, и к небрежно брошенному на столе костяному гребню и высохшей чернильнице, но ещё сильнее – увидеть его, наконец. Душа её пока не набрала достаточно сил, чтобы окончательно поверить в смерть Велиора. Она мысленно притрагивалась к страшным воспоминаниям, но тут же отталкивала их прочь, чувствуя опасный край.

– Ты не видела, как умер мой сын Велиор, – не спросил, но утвердительно сказал колдун, крепко ухватив края шерстяного одеяла и подтянув Лизу к себе.

Взгляд эльфа был чёрным и острым, девушка не сразу сообразила, что радужки глаз у него тёмно-зелёные. Он словно ввинтился ей в голову пронизывающим и пытливым взором. Лиза поняла смысл вопроса. Она знала слова «умер» и «сын», а имя любимого звучало на всех языках одинаково.

– Я уже говорила, что не видела, – испуганно потрясла головой она.

– Я думаю, что он жив, – не отпуская девушку, проговорил Келлард. – И когда вернётся Гаэлас, он сможет дать мне точный ответ. Некроманты умеют заглядывать туда, где обитают души мертвецов. Он позовёт моего сына, и, если тот не откликнется, значит, он жив.

Маг старался говорить медленно и разборчиво, но юная некромантка больше следила за его мимикой и отсветами огня на дне эльфийских глаз. Вместо чёрного отчаяния она разглядела в глубине его зрачков призрачную надежду. Сами собой пришли на ум аккуратно начертанные в блокноте слова, и Лиза неуверенно сложила их в вопрос:

– Ты думаешь... Велиор есть в мир живых?

Он вдруг облегчённо вздохнул и улыбнулся ей, не сумев скрыть радость от её понимания. Вскочив на ноги, маг бросился прочь из комнаты и вскоре вернулся с небольшой фигуркой и чем-то тускло блестящим.

– Возьми, – сказал он, вкладывая в руки Лизы вырезанную из дерева игрушку.

Она раскрыла ладони и начала рассматривать потёртую лошадку, на которой потускневшими от времени красками были нарисованы самые настоящие седло, сбруя и даже защитные пластины. Это был эльфийский боевой скакун с длинными ногами и развевающейся на ветру гривой. Лиза погладила отполированную детскими ручками спину коня и прикрыла глаза, представляя Велиора маленьким мальчиком, сидящим на ковре в гостиной среди разбросанных игрушек. «Это моё!» – сказал кому-то пятилетний эльф, стискивая в руках любимую фигурку и неосознанно ещё вдыхая в мягкое и тёплое дерево толику собственной магии, навсегда присваивая игрушку себе. И теперь, спустя много лет, детская вещица продолжала хранить живую искорку дара, оставленную Велиором. Она теплилась внутри, и Лиза странным образом чувствовала связь, тонкую магическую нить, уходящую куда-то вдаль.

– А теперь это, – Келлард протянул ей второй предмет, оказавшийся ожерельем из молочно-белых и голубых отполированных камней, искусно собранных на золотистую цепь.

Сомнений не оставалось: женщины, что когда-то носила украшение на изящной эльфийской шее, не было в живых. Невидимые нити волшебства были оборваны, а следы от присутствия дара напоминали безжизненное облачко пепла. Весь следующий час или даже больше Лиза попеременно сжимала в руках игрушечного коня, ожерелье и жесткое прохладное перо магистра Тэрона и в конце концов уверилась в том, что Келлард прав. Измученное сердце забилося от невозможной, но такой притягательной надежды, глаза переполнились слезами, и она долго ещё сидела, неловко утираясь рукавом и беззвучно всхлипывая.

– Перестань, – не выдержал наконец маг и сунул ей брошенное на стуле полотенце, – Донния сказала, что тебе нужно тепло, а не новые волнения. Ты должна спать.

Лиза хотела возразить, отчётливо разобрала последнее слово – «спать», но силы её уже иссякли, и она, прижав к груди игрушку, покорно позволила Келларду обнять себя. Когда маг донёс её до кровати, она уже вновь провалилась в сон.

– Привязать тебя, что ли, чтобы не вставала, – сердито проворчал он, досадливо укрывая больную одеялами.

До самого утра он просидел, перелистывая книгу и делая пометки на её истёртых полях. Он надеялся, что наутро придёт Донния и избавит его от дурацких обязанностей сиделки при пациентке. Но прошёл целый день, а за ним ещё одна ночь, и вот уже следующий день клонился к закату, а жрицы всё не было.

Глава 7

Зверинец принца Лориона располагался на одной из плоских крыш дворца, окружённой четырьмя светлыми узорчатыми башнями. Причудливые зверьки с золотистыми и серебряными шкурками суетились в добротных и просторных вольерах, на жёрдочках сидели длиннохвостые яркие попугаи с жаркого юга и белоснежные вороны и совы из-за Северных морей, в небольшом фонтане посреди площадки плескались диковинные пучеглазые рыбы.

– Красивые, правда? – Принц остановился у клетки, где настороженно замерли ядовито-зелёные ящерицы с алыми, как кровь, полосами по обе стороны гибких тел. Иногда одна из рептилий молниеносно выбрасывала длинный раздвоенный язык и хватала муравьёв, беззаботно ползающих по трухлявой коряге.

– Да, – односложно ответила Донния, не поднимая глаз.

Приставленная матерью охрана осталась ждать её внизу, на мраморных ступенях здания. Принц не допускал в свои владения никого из посторонних, объясняя это тем, что незнакомые солдаты или слуги могут напугать животных. Он просунул палец между прутьев и, прикоснувшись к хвосту неподвижной ящерицы, погладил блестящую чешую.

– Безмозглые южане считают этих чудесных созданий смертельно опасными, они верят, что того, кто дотронется до кожи кровавой агамы, настигнет проклятие, – эльф коротко хохотнул и обтёр палец об узкие брюки цвета слоновой кости. – Как можно верить в подобный вздор, сестра Донния? Ты веришь?

– Нет, – так же тихо выдохнула она.

– Посмотри на меня, – приказал Лорион и провёл холодным пальцем по щеке жрицы.

Она подняла голову. Бездонные небесные глаза были полны отчаяния. Принц криво усмехнулся.

– Вижу, домашний арест не идёт тебе на пользу. Ты едва держишься на ногах и бледна, как заблудившаяся в мире живых тень. Именно поэтому я беру тебя на прогулки. Первый рыцарь расстроится, если невеста будет похожа на мертвячку!

Донния не ответила, покорно следуя за юношей, который часто останавливался, чтобы почесать зверька или постучать по стеклянной стенке очередного террариума. От ослепительного солнца на крыше были устроены навесы и тенты, высокий парапет и тяжёлые ширмы прикрывали диковинных зверей от возможных сквозняков. Жрица понимала, что принц Лорион позвал её вовсе не затем, чтобы похвастаться пушистыми голубоватыми белками, чьи шкурки сияли искрами ледяной магии, или очередной крылатой жабой в больших бородавках. Его главная пленница содержалась не здесь, а этажом ниже, но путь на потайной балкон лежал через зверинец.

Каблуки эльфийских сапог звонко простучали по металлической винтовой лестнице, когда принц нетерпеливо сбежал вниз и выжидательно уставился на Доннию. Целительница не успела подготовиться и переодеться – из комнаты её вытащили в домашнем платье и наскоро надетых башмачках. Времени хватило только на то, чтобы провести по волосам расчёской и подхватить их лентой. Когда жрица выходила из родительского поместья в сад, мать взволнованно оправдывалась перед принцем, очевидно, стараясь в чём-то убедить самонадеянного сына короля. Донния отметила, что под взглядом юноши её мать словно забывает о том, что она Верховная жрица храма Ньир и превращается в писклявую фрейлину. В чём была причина такого поведения, можно было только догадываться. Придержав подол, Донния осторожно спустилась на балкон, где, вытянувшись по струнке при виде принца, замерли дворцовые стражи с золочёными пиками.

– Оставьте нас, – небрежно махнул рукой Лорион, и те в мгновение ока исчезли в проходе между стенами.

Вольер с пленницей был окружён магической защитой: сразу за решёткой тянулась пелена мерцающего тумана. Волшебный барьер не позволял никому приближаться к прутьям, а также надёжно отгораживал девушку-оборотня от внешнего мира. Вздумай она кричать или подавать телепатические сигналы своим сородичам, которые могли пролетать над страной эльфов в поисках пропавшей дочери правителя, защита не дала бы ей этого сделать. Принц Лорион вытащил из кармана круглый предмет, напоминающий зеркальца, которые всегда носили при себе модницы, направил его на барьер и коснулся пальцем символа, что был начертан посередине узорчатой пластины.

Магический заслон испарился, и Донния увидела знакомую хрупкую фигурку, сиротливо сидевшую в дальнем углу. Юная птичка вскинула взъерошенную светловолосую голову и в один миг вскочила на ноги. Её небольшое изящное тело было покрыто мягкими серебряными пёрышками, тонкие руки обтягивала прозрачная ткань рубашки, похожая на вуаль. В такой промежуточной форме пленница пребывала в то время, когда её никто не беспокоил, но стоило только появиться принцу или слуге, что приходил убираться в вольере, как девушка тут же оборачивалась птицей.

– Снова не желаешь говорить со своим господином, глупая курочка? – спросил Лорион, складывая руки на груди и впиваясь в узницу жадным взглядом.

– Она не хочет говорить, – прошептала Донния и подошла вплотную к решётке.

– Так заставь её! – капризно наморщился принц. – Я устал от её выкрутасов. Скажи, что я отправлю эту цыплячью принцессу на кухню и велю приготовить из неё суп для всех моих подданных. Хотя нет, стой, не говори! Попроси её сбросить пёрышки и показать истинное обличье.

Жрица беспомощно обернулась через плечо. Все попытки наладить общение с пленницей заканчивались одинаково: она принимала птичью форму и в лучшем случае пугала назойливого юношу оглушительным криком, от которого закладывало уши. Если же Лорион на время удалялся, оставив Доннию наедине с несчастной девушкой, та принималась умолять выпустить её на волю. К сожалению, целительница никак не могла расправиться со сложным замком, который помимо стальных задвижек был снабжён и ядовитыми шипами.

– Принц Лорион просит тебя принять человеческую форму и поговорить с ним, – в который раз сказала Донния и прильнула лбом к холодным прутьям. – Пожалуйста, сделай это.

Птичка настороженно прислушивалась, замерев в двух шагах от жрицы. Сейчас она подпрыгнет, сверкнёт дымчатым оперением и приземлится на циновки вольера не на узкие босые ступни, а на когтистые серые лапы.

– Он говорит, что не причинит тебе зла, – тихо продолжила целительница, не сводя глаз с задумавшейся пленницы.

– Что ты сказала ей? – прищурившись, уточнил Лорион и прикоснулся к плечу Доннии.

Руки молодого эльфа едва заметно дрожали от волнения и предвкушения. Птичьего языка он не знал, а потому переводчик был необходим, но он хорошо изучил повадки своих экзотических зверюшек. Птица действительно заколебалась, но, вот досада, сочувственное выражение её тёмных глаз было адресовано не ему, доброму хозяину зверинца, а непокорной упрямой жрице.

– Я сказала, что вы не будете обижать её, – вздохнула Донния и опустила веки.

Напряжение и усталость последних дней давали о себе знать: если бы не надёжная опора, она бы уже упала на колени на отполированные плитки балконного пола. Мать приставила к ней круглосуточную охрану из пяти вышколенных рыцарей-храмовников, которые день и ночь находились рядом. Она не могла ни выйти из комнаты без сопровождения, ни даже открыть окно, чтобы впустить в помещение свежий воздух.

Служанку, что прибирала в комнатах Доннии и её сестёр, перевели на кухню, вместо неё приходила угрюмая и молчаливая рабыня, не поднимавшая глаз и не отвечавшая ни на какие

просьбы девушки. О том, чтобы передать весточку Келларду, не приходилось и мечтать – даже встречи с послушницами проходили в присутствии матери и её доверенных солдат. Глубокой ночью Донния выбиралась из постели и приникала лицом к стёклам в надежде что-нибудь разглядеть в темноте растущего снаружи сада. Она знала, что любимый не оставит Лизу одну и не станет рисковать в попытках пробраться в поместье, но всё же так было чуточку легче переносить заключение. Мечтая увидеть среди освещённых луной дорожек знакомый силуэт в скромном балахоне призывателя теней.

– Разумеется, я не стану причинять ей боль, – ласково промолвил принц, стискивая плечо Доннии.

Она не успела и опомниться от тягостных мыслей, как Лорион ухватил её за шею и крепко прижал к клетке, другой рукой выхватив из-за пояса длинный стилет. Леденящая сталь коснулась щеки жрицы.

– Но я могу с лёгкостью сделать больно твоей подружке, если ты не прекратишь меня игнорировать! – прошипел он и чуть повернул остро отточенное лезвие.

– Что вы делаете? – Донния испуганно дёрнулась, и нож принца резким движением рассёк ей щеку.

Горячая кровь заструилась по шее девушки, крупными каплями начала капать на платье. Птица протестующе закричала, её большие глаза потемнели от нахлынувшего негодования.

– Заставь её говорить со мной, немедленно! – истерически вскрикнул Лорион.

К удивлению жрицы, у королевского отпрыска в руках оказалось гораздо больше силы, чем можно было предположить, исходя из его стройного телосложения. Окровавленный стилет вновь чиркнул по незащитной коже Доннии, теперь уже от шеи до ключицы, где был край навсегда испорченного платья.

– Пусть обернётся человеком или вы обе получите по заслугам! – уже во весь голос кричал принц, сию секунду переключаясь на вопли оборотня.

Заслышав суматоху, на балкон прибежала отправленная восвояси охрана. К этому моменту птичья девушка уже перекинулась в пернатое обличье и остервенело бросалась на прутья клетки, стараясь дотянуться острыми когтями до ненавистного мучителя.

– Держите её! – изо всех сил толкнув Доннию под ноги стражам, приказал Лорион.

Увидев кровь на руках принца, солдаты охраны моментально скрутили жрицу, заломив ей руки за спину и схватив за волосы.

– Она напала на вас, Ваше Высочество? – обеспокоенно спросили они.

– Хотела, но у неё ничего не вышло. – Эльф брезгливо стряхнул с пальцев липкую кровь.

– Велите бросить её в темницу? – поинтересовался старший из воинов.

– Не стоит поднимать шумиху из-за столь незначительного инцидента, – всё ещё дрожащим от негодования голосом рассудил принц. – Я давно знаю сестру Доннию и сам решу вопрос с её наказанием. Отведите её в мою тайную комнату.

– Вам следует сообщить обо всём Его Величеству! – недоверчиво покачал головой королевский стражник. – Если имело место покушение на вашу жизнь...

– Я сам решаю, что мне следует, а чего не следует! – взвизгнул Лорион. – Будете трепать языками, все окажетесь в клетках, как зверьё!

– Позвольте хотя бы взять оружие в качестве доказательства. – Воин протянул обтянутую кожаной перчаткой ладонь, чтобы забрать из трясущихся липких рук принца перепачканный кровью стилет.

– Вы смеете сомневаться в моих решениях? – изменившись в лице, топнул ногой юный эльф.

Стражи переглянулись и повели жрицу прочь, в тёмные хитросплетения дворцовых коридоров. За их спинами продолжала хрипло каркать взбудораженная птица-оборотень.

***

Донния старалась не издавать никаких звуков, пока её бесцеремонно волокли незнакомыми лестницами и поворотами. Она почти ничего не видела по сторонам: стражи замка шли слишком быстро, и жрица больше беспокоилась о том, чтобы не споткнуться и не упасть. Она была уверена, что, в случае чего, ей не дадут подняться, а грубо поволокут дальше, ничуть не заботясь о синяках и вероятных переломах. Всего несколько часов назад ей казалось, что нет ничего ужаснее домашнего ареста и невозможности вновь навестить Келларда, а теперь даже надежда вырваться из рук принца Лориона живой таяла с каждой минутой.

В руках старшего из сопровождающих загремели ключи – тяжело и неторопливо. На миг Донния успела поднять голову и осмотреться. Тёмный коридор тускло освещался единственным догорающим факелом, узкое окошко в его торце было забрано массивной чугунной решёткой.

– Ваше Высочество, эта жрица обещана Первому рыцарю Талемару, – как можно учтивее сказал воин, высокий и широкоплечий.

У девушки мелькнула мысль, что при желании он мог бы двумя пальцами свернуть капризному и жестокому принцу шею или выбить из него дух единственным лёгким тычком в грудь. Безнадёжно. Никто и никогда не пойдёт против королевской семьи, рассчитывать на это было глупо. Все – от королевских советников, казначеев и военачальников, Верховной жрицы, купцов и магов из Гильдии до самого последнего слуги-полотёра – знали, что за предательство их ждёт смерть. Даже неосторожное слово, брошенное в сторону членов правящей семьи, может обеспечить болтуну место в тюрьме Фэита или незабываемые каникулы на рудниках Вечных гор.

– Заткнись и открой дверь! – побелевшими от гнева губами приказал Лорион.

Страж повернул голову, и Донния поймала его виноватый взгляд, который так не подходил к суровому, закалённому службой и холодными ветрами лицу. Он словно хотел сказать ей «прости», хотя прежде смотрел на жрицу и её послушниц совсем иначе – восторженно, как на недостижимые сокровища. Служительниц Храма Ньир не отдавали за простых военных, в каком чине они бы ни находились. На место рядом с одной из жриц могли претендовать лишь рыцари благородного происхождения.

В тайной комнате было темно. Застывший несвежий воздух хранил в себе запахи мокрого дерева и старого железа. Где-то шумно плескалась вода, словно в глубине помещения располагался бассейн или резервуар, который вдруг ожил от громких шагов вошедших.

– Сюда, – скомандовал принц, ухватившись за рукав Доннии и больно впиваясь в её плечо длинными и жёсткими пальцами.

– Велите зажечь свет? – спросил за спиной жрицы глухой, будто испуганный голос.

– Не стоит раньше времени пугать мою дорогую гостью, – ядовито произнёс Лорион. – Разместите её с удобством и уберите вон.

Удобства представляли собой каменную колонну, в которую намертво были вмонтированы проржавленные цепи с кандалами и кольцо, тут же обхватившее раненую шею девушки холодной удавкой. Руки вздёрнули вверх и закрепили в железных наручниках, ноги примотали цепью с чем-то массивным, напоминающим огромный камень, на конце.

– Если мы имеем дело с государственной изменой... – вновь начал страж, всё ещё не терявший надежды спасти ситуацию, – то было бы разумнее, как бы это вернее сказать, доверить дело королевским палачам и судьям.

Доннии показалось, что принц слегка призадумался. Он прошёлся взад и вперёд мимо неё, цокая языком и хватая ртом застоявшийся воздух.

– Мы имеем дело с непослушанием, – решил наконец он. – Моя жизнь в безопасности, а потому требую оставить меня наедине с этой лунной шлюхой и ожидать снаружи. И да, принесите мне хороший факел, я хочу познакомить Доннию с тайной комнатой.

– Пожалуйста, сообщите моей матери... – отчаянно крикнула девушка уже в спину уходящим стражам, но никто не обернулся.

Глаза ослепил свет яркого огня, а следом принц размахнулся и с силой ударил её по лицу.

– Хочешь, чтобы я позвал твою мамочку? – нервно засмеялся он.

– Вы знаете, что я ни в чём не виновата! – рванувшись изо всех сил, выдохнула жрица.

Жгучий удар придал ей сил, выдернул из тягостного оцепенения. Лорион сделал вид, что ничего не услышал. Он медленно обошёл вокруг колонны, проверяя крепления кандалов и потирая руки.

– Или хочешь, чтобы я привёл сюда твоего драгоценного призывателя? Слышал, что когда-то он побывал в лапах Ордена Инквизиции, поэтому удивить его моими игрушками будет непросто! Но для такой сладкой парочки, как вы, я постараюсь.

«Он знает, он знает», – сердце тревожно заколотилось в её груди, заполняясь первобытным страхом.

– Да, я знаю, – презрительно скривив губы, промолвил Лорион, будто прочитав её мысли. Его бледное лицо казалось совсем мёртвым рядом с рыжим и живым пламенем факела. – Верховная жрица, твоя милая добрая мамочка, так переживает за твой будущий брак, что поделилась со мной опасениями. Ты слишком много времени проводила в подземельях этих гадких колдунов, а так можно и цвет лица потерять, и не успеть подготовиться к свадьбе, не правда ли? И тогда я посоветовал ей запереть тебя в поместье. Это было из лучших побуждений, моя дорогая сестра Донния.

– Призыватели тоже ни в чём не виноваты, – дрожащим голосом сказала жрица.

– Разумеется, нет, – тонко улыбнулся принц. – Никто никогда не бывает виноват, а чувство вины тем не менее отравляет души. Что ж, зря ты не хочешь позвать сюда этого, как его там, Келларда? Уверен, он получил бы удовольствие от созерцания твоих прелестей.

Сказав так, сын короля неторопливо придвинул вертикальную подставку для факела, закрепил в ней источник света и начал осторожно резать на девушке платье – снизу вверх, отпарывая от подола большие клоки ткани и отбрасывая за спину. Когда он добрался до талии и взрезал туго затянутый шёлковый пояс, Донния не удержалась и вскрикнула от испуга.

– Что вы делаете? – едва слышно прошептала она.

– О, не беспокойся, – облизнув пересохшие губы, ответил Лорион. – Платье всё равно было испорчено.

Холодный стилет скользнул по груди, так легко разрезая ткань, словно она была соткана не из прочных нитей, а из сливочного масла. Взору принца открылась прекрасная картина. Нежная грудь девушки испуганно трепетала под уверенными движениями ножа, который теперь ни разу не оцарапал кожу. Прежние раны продолжали сочиться кровью, и Лорион задумчиво размазал застывающую на воздухе струйку по шее девушки.

– Ты удостоилась особой чести, сестра Донния, – тихо сказал он и расправился с последней полоской кружева, прикрывавшей низ живота девушки, – прежде я никогда не принимал участия в судьбах храмовых девиц, этим занимались Верховные жрицы и советники моего добросердечного папеньки. Иногда своё слово говорила и королева. Но ты так искренне была готова помогать мне со зверюшками, так трогательно возилась с ними, что и я решил отплатить тебе добротой. Первый рыцарь должен был жениться на твоей сестре, если помнишь...

– Да, – замерев и не зная, чего ожидать, ответила она.

– Это я убедил короля и советников в том, что женить его нужно на тебе! Я видел, как он смотрит в твою сторону, и пообещал ему тебя. Не сомневаюсь, именно это и поможет ему выиграть войну с орками. Обещание вот этого чудесного тела в придачу ко всяким скучным воинским почестям.

Несколько долгих секунд молодой эльф разглядывал обнажённую жрицу прищуренными бронзовыми глазами. Уголки его тонких губ недовольно подрагивали.

– А что я получил от тебя вместо благодарности? – повысив голос, спросил он и махнул стилетом в опасной близости от лица Доннии, отчего та вскрикнула. – Пока мой рыцарь сражается, ты не теряешь времени, изменяя жениху с каким-то тeneвым выродком, живущим в подвале, как крыса! Что же это ещё может быть, как не измена короне?

Девушка судорожно вздохнула и стиснула зубы.

– Помимо этого, ещё и замышляешь выпустить из клетки мой самый ценный в коллекции экземпляр! Шушукаешься с моей птичкой на её языке и думаешь, будто я не вижу ваших намерений? О, я замечаю всё, поверь! У меня много пар глаз в этом городе, а ушей – и того больше!

Струйка пота скатилась по напряжённому лбу принца, но он не обратил на это никакого внимания. Выхватив факел, юноша поспешно обошёл всю комнату, зажигая источники света один за другим. Последними вспыхнули две масляные жаровни, и Донния увидела в нескольких шагах перед собой тёмное беспокойное озерцо. Поверхность его беспрестанно колыхалась, словно кипела, из глубины всплывали и лопались огромные пузыри.

Лорион остановился напротив длинного стола и теперь задумчиво смотрел на аккуратно разложенные на тряпицах инструменты для пыток. Иногда он нервно передёргивался или ухмылялся, завладевая то странно изогнутыми железками, то щипцами или набором зазубренных игл, и каждый раз оборачивался к Доннии, чтобы посмотреть на её реакцию. Жрица становилась всё бледнее и бледнее, но никак не могла понять, чего стоит бояться больше: угрожающих предметов или чёрной кипящей воды посреди тайной комнаты.

– Смотрю, тебя пополам разрывает любопытство, – хихикнул принц и взял длинный прут с крючком на конце. – Что ж, я покажу тебе ещё одного весьма ценного зверька из моей коллекции!

Лорион нацепил на крюк кусочек кружева, недавно сорванного с девушки, и, подойдя к бассейну, обмакнул его в беспокойную воду, а затем сразу поднял вверх. С оглушительным рёвом из воды выскочило гигантское шипастое чудище, сцапало трусики жрицы вместе с прутком, который принц едва успел выпустить, и нырнуло обратно, окатив юношу брызгами с головы до ног.

– Жрёт всё подряд, – захохотал Лорион, отряхиваясь. – Двух маленьких послушниц твоей матери сожрал за пять минут, ни косточки не осталось!

Донния вспомнила, как прошлой осенью из Храма Ньир исчезли две совсем юные девушки. Верховная жрица отправила их на склоны гор собирать семена белых лунников, чтобы под зиму посеять цветы в Сумеречном саду. Тринадцатилетние эльфийки так и не вернулись, но охотники говорили, что в тот день над ущельем вились птички оборотни. В Храме решили, что послушницы забрались слишком высоко и сорвались вниз, а вполне возможно, что вредные птицы помогли им в этом. Искать девочек больше не пытались, но уже тогда Донния подумала, что история выглядит довольно странной: оборотни не трогают лунных жриц от начала времён и уж тем более не имеют привычки скидывать в ущелье беззащитных детей.

– Мой придворный маг говорит, что визги этих малявок до сих пор мешают ему спать! – похвастался принц, возвращаясь к Доннии.

– Вы... убили их, – прошептала целительница.

Смертельный холод исходил от колонны, к которой её приковали, и теперь Донния окончательно поняла, что это было. Здесь уже не раз страдали и умирали девушки, их предсмертным ужасом пропитались эти стены, эти неподъёмные цепи, эти столы и скамьи, расставленные повсюду. Лавка из светлого дерева справа была покрыта тёмными пятнами, а кое-где хранила следы ногтей и зубов тех, кому довелось побывать на ней. Что нужно было проделывать над несчастными, чтобы заставить их драть и грызть твёрдые доски настила? Об окованном железом сундуке в углу было лучше ничего и не думать, хотя жрица теперь из первых уст знала, как сын короля избавляется от ненужных улик.

– Вижу, тебе здесь нравится, не правда ли? Немного холодно, но это ничего, я знаю, как согреть мою дорогую гостью.

В руках принца вместо стилета была теперь блестящая плеть. Пять её упругих хвостов светились синеватыми искрами зачарования.

– Творение нашего изобретательного Урфа. Человек, а знает о магии куда больше некоторых пятисотлетних эльфов!

Донния вздрогнула, когда Лорион поднёс рукоять плети к её лицу и дотронулся изгибами чёрных кожаных хвостов до её губ. Она ожидала ощутить магический ожог или удар электрического заряда, но ничего подобного не произошло. Урф, лихорадочно думала она, старый уродливый маг с единственным уцелевшим глазом, несколько лет назад с позором изгнанный из Гильдии призывателей теней. Вот почему принц говорил, что ему служит больше ушей, чем глаз! Келлард отзывался о старике-предателе только сквозь зубы, неизменно сплёвывая всякий раз, когда приходилось произносить имя негодяя. Призыватели были уверены, что Урф намеренно выдал расположение некоторых убежищ Ордену, причём не только чтобы сберечь собственную шкуру, но и чтобы избавиться от более талантливых конкурентов.

– О нет, эта игрушка действует по-другому, – улыбнулся принц, поглаживая и расправляя длинные хвосты плети. – Она придумана нарочно для таких, как ты. Сейчас я покажу!

Её никогда не били – ни в детстве, ни в юности. Если волею судьбы ей приходилось наблюдать, как приводят в исполнение какое-либо наказание, то восприимчивая от рождения Донния всегда прикрывала глаза руками или отворачивалась. Обрывочные и неохотные рассказы Келларда о застенках Железной Крепости приводили её в глубокий ужас, и она подолгу сидела притихшая, окружая себя и любимого целительной энергией, только чтобы немного развеять боль от нахлынувших на него воспоминаний.

Первый же удар выбил из неё весь воздух, жгучая боль заставила беспомощно биться в крепких оковах, хотя было ясно, что железных креплений ей никогда не одолеть. Второй, как ей показалось, в клочья разорвал кожу на животе, а третий – на бёдрах. Всё, что происходило дальше, слилось в нескончаемый крик, звенящий в её ушах и обдирающий горло, и крохотные паузы, во время которых нельзя было даже схватить необходимый глоток воздуха, заполнялись довольным хохотом принца. Когда сознание готово было уже оставить девушку, Лорион остановился и взял её за подбородок.

– Думаешь, это хорошая идея – падать в обморок? Я ведь обещал согреть тебя, а не убить! Скажи, что тебе со мной горячо! Ну, скажи!

Донния с трудом разомкнула веки и увидела его глаза совсем близко – они возбуждённо сияли. Принц отбросил плеть и провёл руками по истерзанному телу жрицы. Его прикосновения вновь заставили её закричать, но из груди вырвался только беспомощный хрип.

– Да, да, мне тоже нравится с тобой, – дрожащим голосом заверил её Лорион и всем телом прильнул к колонне, прижимая эльфийку к холодному камню.

По движениям его пальцев она поняла, что принц расстёгивает пуговицы на брюках, прерывисто дыша ей в ухо.

– Нет, я прошу вас... – шёпотом взмолилась она, собрав все крохи последних сил, – не надо...

Он принялся жадно целовать и покусывать её грудь, лишь едва задетую случайными ударами плети.

– Проси ещё, – потребовал он, заглядывая в её глаза, – жарче и искренней! Проси меня взять тебя!

Донния замерла и крепко сжала губы.

– Жаль, я думал, ты осознала свою вину. Придётся повторить наш урок! – Лорион нехотя оторвался от своей жертвы и начал шарить у себя под ногами.

Ближайшие планы королевского отпрыска внезапно нарушил шорох стоптанных башмаков и стук клюки о каменный пол. Из тёмного прохода вынырнула растрёпанная седая голова Урфа, а после появился и сам придворный маг – кривоногий, одноглазый и горбатый. Его маленький, вечно красный уцелевший глаз с ног до головы оглядел Доннию, а после переключился на принца.

– Уж простите, ВашВысочество, что смею отвлекать от столь сладкого занятия...

– Проваливай, Урф! – принц, который секунду назад ползал по полу со спущенными штанами, вскочил и оттолкнул нежданного посетителя тайной комнаты. – Я занят!

– Несомненно, да-да, я вижу, – едва устояв на ногах, покивал старик, – однако же отец желает вас видеть немедленно в главной королевской зале. Прибыли гонцы с восточного фронта. Мы одержали победу, мой дорогой хозяин!

«Хозяин». Сквозь волны боли и отвращения Донния вспомнила, как Келлард рассказывал о предателе и о том, что тот называет принца хозяином, словно добровольно продался ему в рабство. Урф переложил клюку в левую руку, а правой потянулся к девушке.

– Рад, что игрушка пришлась вам по душе, однако придётся на время прервать игру.

Лорион тяжело дышал, но слова о короле, гонце с востока и победе над орками будто бы пробудили его задремавшее было сознание. Медленно, но верно он приходил в себя, с досадой поглядывая на жрицу.

– Вылечи ей раны на лице и шее, – приказал он магу. – Всё, что ниже груди, оставь как есть. Я хочу, чтобы Первый рыцарь знал о наказании его невестушки. Мне интересно будет посмотреть на его лицо после первой брачной ночи.

Спустя мгновение старый Урф и Донния остались в тайной комнате одни. Маг неторопливо принёс ключи, разомкнул удерживающие жрицу кандалы и вскоре усадил полубесчувственную девушку на ту самую страшную лавку. Опустив голову, Донния увидела, что, вопреки ожиданиям, плеть оставила на коже не кровавые следы, а вздувшиеся чёрные полосы.

– Ты не сможешь их исцелить, – ткнув пальцем в голый живот жрицы, хихикнул маг. – Это особое теневое проклятие, лекарство от которого есть только у меня!

В тот миг ей было всё равно, как и тогда, когда Урф аккуратно призвал сияющие стустки целительного света и занялся порезами, оставленными стилетом. Да, этот человек искусно владел заклинаниями и способен был потягаться силой с лучшими эльфийскими магами, но девушка не могла смотреть ни на его сухие, обтянутые жёлтой кожей руки, ни на лицо, так похожее на высохший пергамент. Она не помнила, как оказалась в родительском поместье, кто уложил её в постель и накрыл холодным, ласкающим раненую кожу шёлковым одеялом. Всё, что было с ней в последующие часы, заполняла лишь нескончаемая боль. И только когда Донния осталась с ней наедине и сжалась под одеялом в комочек, сознание милостиво покинуло её и не вернулось до следующего полудня.

Глава 8

– Что ты делаешь, безмозглая девчонка? Немедленно слезай!

Холодный, не терпящий возражений тон Келларда был куда понятнее слов. Уже несколько дней они именно так и общались – интонациями, жестами, взглядами. И теперь Лиза понимала, что призыватель не сердится по-настоящему, а проявляет беспокойство за вверенную ему пациентку. За дочь его близкого друга и соратника. За девушку, которая была какое-то время рядом с его сыном Велиором. В два шага преодолев разделяющее их расстояние, маг ухватился за спинку стула и выжидающе уставился на девушку. Он хмурился, но не был зол.

Лиза смотрела на него сверху вниз. В здоровой руке она держала швабру, на которую была намотана влажная тряпка. Ключев паутины над шкафом Гаэласа уже не наблюдалось, но вдалеке, в самом углу, ещё белели пыльные обрывки разорванных паучьих сетей. Дотянуться до них с первого раза не получилось.

– Я не могу всё время лежать и сидеть, тем более в такой грязной берлоге! – возразила девушка.

С каждым днём Лиза чувствовала себя лучше, несмотря даже на то, что добрая жрица Донния больше не приходила, чтобы поддержать её целительными заклинаниями. Они с колдуном обходились травяными эликсирами из его лаборатории да остатками пахучей мази, которая чудесно заживляла раны. Ранним утром и поздним вечером Келлард разводил огонь в камине и располагался в тёплом круге света со своими записями и растрёпанными старыми книгами. Если Лиза была в силах, то она усаживалась рядом, завернувшись в покрывало, и украдкой наблюдала за работой призывателя. Её собственный дар всё ещё дремал где-то глубоко внутри – любая попытка воспользоваться им приводила к тому, что некромантке вновь становилось плохо и приходилось укладываться в постель.

В первый и второй день руки Лизы так дрожали от волнения и слабости, что Келлард был вынужден кормить её с ложечки. Суровому магу пришлось не по нраву подобные процедуры, он заметно нервничал и скрипел зубами, готов был, как мерещилось девушке, расколотить миску с супом или кашей, но всё же доводил кормление до конца и только после безудержно ругался где-то в недрах подземелья, гремя посудой. На третий день Лизабет справилась с завтраком сама, а на четвёртый уже не просто разгуливала по комнате Гаэласа, но и решила затеять уборку.

В родительском доме она отродясь не видывала такого толстого слоя песка, пыли и паутины. Сония и Эдвин были лекарями, а потому и клиника, и просторный светлый дом Сандбергов всегда сияли чистотой. К уборке дома был приставлен даже непоседливый огненный Фред, который всякий раз пытался увильнуть от доставшихся ему обязанностей. Единственное место, где можно было найти засохших бабочек и мух, тарелки с крошками или изорванные в клочки шпательки, располагалось под крышей, в каморке, отведённой старшим детям. Сония попросту не могла забираться туда по крутой лестнице в последние месяцы пятой беременности.

Лиза встретилась с призывателем глазами и покорно отдала ему швабру. Келлард зашвырнул палку с тряпкой в угол и снял девушку со стула, проворчав своё обычное ругательство.

– Тебе мало сломанной руки? Хочешь сломать ещё и шею? Я уже говорил, что привяжу тебя до возвращения отца!

– Ничего страшного со мной не случится, – успокаивающе ответила она и смиренно усеелась на кровать.

«Самое страшное уже случилось», – отозвалось внутри неё. Рука под фиксирующей повязкой немного побаливала, но не причиняла сильного беспокойства. Гораздо тяжелее было

переносить бездействие и заключение в четырёх стенах небольшой комнаты в подземелье. Выспавшись, Лиза всегда поднималась с постели и пыталась занять себя изучением комнаты – раз за разом ходила по кругу, изредка выглядывая в коридор. Келлард приходил и уходил, иногда он подолгу колдовал в лаборатории или шуршал свитками в нише, отведённой под крохотную библиотеку, иногда уходил наверх, в неизвестный Лизе эльфийский мир. Оставаясь одна, девушка боялась надолго покидать комнату, но это было и бессмысленно: за дверью находился лишь мрачноватый пустой зал и несколько крепко запертых дверей. И никого живого. Правда, пару раз ей показалось, что она улавливает присутствие незнакомых ей существ, но было ли это в действительности или только примерещилось ей во сне, она не могла с уверенностью сказать.

– Донния не придёт, – тихо промолвил эльф.

Лиза поняла, молча кивнула. Долго подбирала подходящие слова, мысленно перелистывая оставленный в Академии блокнот с эльфийскими фразами, но в итоге просто осторожно спросила:

– Почему?

– В городе говорят, что на жриц нападают адепты Новой Луны. – Келлард не поворачивал головы, вполне осознавая, что разговаривает больше сам с собой. – Преступники, которым одинаково плевать и на законы эльфийского королевства, и на доктрины Храма Ньир. Они убивают безлунными ночами, невидимые для богини, неуловимые для городской стражи.

– Я не понимаю, – прошептала девушка.

– Донния в опасности, хоть это ты понимаешь? – как можно терпеливее произнёс маг. – Я должен её увидеть.

Он сидел рядом, и Лиза явственно ощутила исходящее от него волнение. Как ни старался эльф выглядеть бесчувственным и неприятным сухарём, он не мог скрыть от девушки своей настоящей сущности. Дар выдавал его истинные чувства. Келлард переживал за подругу и не знал, как поступить. И самое главное – что бы он ни говорил сейчас на родном языке, он не очень-то верил в это. Что-то в его приглушённом голосе выдавало крайнюю степень сомнения в сказанном.

– Ты идёшь? – спросила Лиза, указав на дверь.

– «Уходишь», а не «идёшь», – сердито поправил её маг.

Если бы юная некромантка знала, что употребляет наипростейшее обращение «ты» к эльфу, который много старше её и во сто крат опытнее в вопросах магического искусства, то она непременно смутилась бы и принесла извинения. Но Велиор никогда не придавал значения возрасту и званиям, а потому не рассказал ей, как следует обращаться к магистрам Гильдии призывателей теней.

– Я не знаю, когда вернусь. – Он коснулся локтя Лизы. – И вернусь ли вообще. Ты остаешься здесь и будешь ждать Гаэласа. Всё ясно?

– Нет, не ясно, – искренне ответила она.

– Хорошо, я объясню. Покажу.

Келлард вышел прочь и вскоре возвратился в наброшенном на плечи плаще и с чёрным гладким посохом в руках. Навершие из дымчатого остроконечного камня, оправленного в серебро, пробудило в Лизе воспоминание о её детском амулете, который разрушился после того, как она побывала в Святом Круге искателей и впервые использовала дар по назначению. Ей захотелось дотронуться до тонких граней, почувствовать, как запертый в минерале кусочек теневой материи отвечает на прикосновения тёмного дара. Маг позволил ей это сделать, но ничего не произошло. Подушечки пальцев скользнули по холодной поверхности – и только.

«Что с моим даром?» – обеспокоенно подумала Лиза.

– Ты сидишь здесь, – колдун обвёл рукой скромное жилище девушки. – Никуда не выходишь, никуда не лезешь, демоны тебя раздери! Еда в корзинке, вода в кувшине. Да?

– Мне страшно, – призналась она.

В жестах и голосе Келларда было что-то тревожное. Под плащом на поясе Лиза увидела ножны с кинжалом и несколько сияющих в полумраке голубоватых флакончиков.

– Лизабет, – сказал маг и тяжело вздохнул, – тебе придётся побыть одной. Я тебе не нянька, в конце концов!

– Можно мне с тобой? Пожалуйста?

Смысл произнесённых на языке людей слов был очевиден. Колдун еле сдержался, чтобы не оттолкнуть девушку, которая вздумала цепляться за его руки.

– Нет. Это слишком опасно, а ты едва стоишь на ногах!

– У меня даже нет никакого оружия, ничего, чтобы защититься! – в отчаянии крикнула Лиза, указав на посох и кинжал призывателя.

Неожиданно тот ткнул пальцем ей в грудь и отчётливо, почти по слогам сказал:

– Вспомни, чему учил тебя магистр Тэрон. Он ведь преподавал магическую защиту, не так ли?

– Я ничего не понимаю!

– Ты хочешь занять место Тэрона, а сама боишься провести несколько часов в одиночестве? – ехидно спросил маг. – Боюсь, у тебя нет никаких шансов.

На миг Лизе показалось, что сквозь старую, истёршуюся от времени иллюзию она увидела истинное лицо этого эльфа. Решительное, волевое лицо повелителя теней. Глаза его сверкнули азартом битвы, пальцы уверенно сплели в воздухе сложную формулу заклинания, тонкие губы растянулись в восторженной улыбке, а затем на его зов явилось чернильно-лиловое пульсирующее существо с пучком длинных щупалец. Повинуясь указу мага, тень заняла своё место у входа в покои Гаэласа. Девушка проводила невиданное чудовище изумлённым взглядом и невольно задалась вопросом: оно предназначено, чтобы защитить её от кого-то, или же, напротив, должно предотвратить её возможный побег наружу?

– Келлард...

– Ну? – нетерпеливо обернулся маг. – Что ещё?

– Что с моим даром? – прошептала Лиза, глядя на свои ладони.

Неужели дело в сломанной кости – или, быть может, миралитовые наручники не просто блокируют магию, но и забирают её навсегда? Она попробовала сконцентрироваться и призвать небольшой шарик призрачного света или маленькие язычки пламени. На третьей попытке ей удалось произвести на свет крошечную искру – и всё.

– У меня тоже так было, – сказал маг, сдвинув брови, – тренируйся. Но осторожно.

– Осторожно? – переспросила Лиза, услышав знакомое слово.

– Да. Я дам тебе кое-что для тренировки. У меня есть для тебя... э-э-э... учебное пособие. Материал. Реквизит. Хоть что-то ты можешь понять?

Она помотала головой и улыбнулась. Ни одного знакомого слова, кроме «да». Нет, ей вовсе не примерещились живые искры в глазах Келларда. Теперь она точно знала, что когда-то этот эльф не просто был увлечённым своим делом волшебником, но и обучал других заклинаниям и науке призыва теней. И когда он перед уходом заглянул к ней и сунул в руки увесистый свёрток, Лиза готова была обнять ворчливого мага и от всей души пожелать ему поскорее вернуться. Она знала, что такой порыв он вряд ли оценит, поэтому ограничилась простым «спасибо». Тяжёлые ворота подземелья с грохотом закрылись за призывателем, и девушка осталась в катакомбах Храма совсем одна, если не считать призванной тени.

Она убрала с прикроватного столика чашку и тарелку, начисто вытерла гладкую поверхность и аккуратно положила в центр заветный реквизит, бережно обернутый в несколько слоёв плотной ткани. Лиза ожидала увидеть там какой-нибудь зачарованный предмет, который помог бы ей пробудить задремавший дар. Возможно, перчатки, волшебный пояс или тетрадь с магическими рунами.

На последнем слое промасленной тряпки она уже поняла, как наивно было ожидать чуда. Посреди стола в её комнате лежала, источая невероятный аромат, огромная дохлая крыса.

– Ну привет, – сказала ей Лиза, нервно хихикнув. – Начнём нашу тренировку.

***

Донния ничего не чувствовала. Уже второй час вокруг неё суетились две проворные эльфийки с цепкими руками – портниха и её помощница. Они беспрестанно заворачивали девушку в отрезы дорогих тканей, сияющих серебряными вышивками и драгоценными бусинами, заставляли её примерять тесные лифы и жёсткие корсеты, прикладывали к лицу и волосам полоски кружева и вуали. Ей больше не было больно: с утра мать растёрла всё её тело мазью, от которой кожа словно покрылась ледяной коркой и загубела, а после заставила выпить две рюмки жгучей ивовой настойки. Уродливые чёрные полосы, оставленные плетью, даже не побледнели, но лихорадка отпустила, а душа перестала рваться в клочки и уснула где-то возле притихшего сердца.

– Кто же вас так разукрасил, милая госпожа? – быстрым шёпотом спросила младшая швея, когда Верховная жрица отошла чуть дальше и отодвинула тяжёлую штору, чтобы посмотреть во двор.

– Не твоего ума дело! – оборвала её старшая, ловко втыкая булавки в будущее свадебное платье.

– Сестра Донния давно уже не послушница, чтобы можно было так с нею обращаться. К тому же она невеста! Что скажет благородный рыцарь, когда придёт пора раздеваться? – взволнованно щебетала молодая эльфийка, прикалывая к подолу кружево.

Они говорили так, будто Донния не стояла здесь же, обёрнутая в шуршащие шелка, будто вместо неё на примерку привели немую рабыню или поднятого из могилы мертвеца.

– Ещё одно слово о моей дочери – и вы обе будете наказаны куда суровее, – бросила через плечо госпожа Аланна. – Занимайтесь своим делом, если не хотите остаться без пальцев и болтливых язычков!

Портнихи переглянулись и продолжили работу, недовольно хмурясь. Прошёл, наверное, целый час, пока дело пошло на лад и все мелкие детали будущего наряда были подобраны и согласованы со строгой Верховной жрицей и её полусонной дочерью. Иногда Донния поднимала глаза и рассеянно смотрела в громадное напольное зеркало в узорчатой раме, но и в эти мгновения её больше занимали крохотные трещинки и пылинки на поверхности стекла, а вовсе не собственное отражение.

Она хотела бы опомниться, проснуться, сорвать с себя ненавистные лоскуты, вновь броситься на воинов-храмовников, что стояли по ту сторону дверей и охраняли её покои. Накричать на мать, которой неведомым образом удавалось сохранять самообладание в то время, как она, Донния, задыхаясь и захлёбываясь слезами, рассказывала о судьбе послушниц Храма. На мать, которая, дав согласие на брак младшей дочери и Первого рыцаря, разбила сердце и старшей – той, что тайком вздыхала по Талемару. С того дня, как было оглашено решение короля, сёстры почти не разговаривали.

– Я хочу выйти в сад, – бесцветно сказала Донния и пошатнулась. – Здесь душно.

Пышные шелка, заколотые на её талии, шлейфом спускались на ковёр. Длинные рукава держались на одних лишь тонких булавках. Светлые локоны были наспех подколоты шпильками в растрёпанный пучок. Верховная жрица придирчиво осмотрела дочь и сдержанно кивнула портнихам.

– Добавьте к этому накидку на плечи на случай ветра и не забудьте прикрыть лицо вуалью, как я просила.

– Как скажете, госпожа Аланна, – поклонилась главная портниха и в мгновение ока избавила уставшую Доннию от вороха золотистых и белых юбок.

Когда тугие ленты корсета ослабили, девушка едва удержалась на ногах.

– Хорошо, ты можешь выйти на воздух. Охрана будет тебя сопровождать, – смягчилась Верховная жрица.

– Я хочу погулять одна, – прошептала Донния.

– Это исключено, – отрезала мать. – Ты слышала, о чём говорит весь город? Адепты Новой Луны нападают на жриц Храма, и ни одного из них до сих пор не удалось поймать.

– Мама, я уже несколько раз объяснила тебе, кто на самом деле меня ранил...

Аланна приблизилась к дочери и покачала головой.

– Тебе никто не поверит, дорогая. Никто и никогда.

– Но ты, ты ведь мне веришь? – выдохнула Донния с надеждой.

Верховная жрица погладила её по щеке, на которой остался лишь едва различимый светлый шрам, и слегка улыбнулась.

– Моя вера тебе не имеет никакого значения ни для настоящего, ни для будущего, – ответила она.

– Я хочу увидеть Келларда, попрощаться с ним, – неожиданно произнесла девушка.

На мгновение к ней словно вернулась утраченная жизнь, сердце забилось сильнее, к щекам прилила кровь, по пальцам пробежала нервная дрожь. Мать заметила всё это, глубоко вздохнула и привлекла Доннию к себе, обнимая.

– Нельзя, милая, пойми это наконец.

– Почему? – Дочь поймала взгляд Аланны, вцепилась в её запястья. – В последний раз, мама!

Магия молодой целительницы была сильна, но защита Верховной жрицы – сильнее. Уловив намерение Доннии и оценив вложенную в мольбы волшебную силу, мать только улыбнулась в ответ.

– Не вздумай хитрить, все твои сокровенные мысли можно прочесть на лице, причём не будучи даже магом высшей ступени посвящения. Ты не пойдёшь к этому гадкому колдуну. Довольно с тебя предсвадебных приключений!

Голоса в холле помешали эльфийкам продолжать спор. Дверь распахнулась, и на пороге комнаты возникли воины из охраны поместья.

– Маг из Гильдии призывателей спрашивает сестру Доннию.

– Неужели? Какое неожиданное совпадение! – с напускным удивлением воскликнула Аланна, вскинув изящные светлые брови.

Она знала, что произойдёт через секунду. Движения её губ и пальцев, сплетающих заклинание, не были поспешными. В тот миг, когда растрёпанная и взволнованная дочь, босая и в одной только нижней рубашке, не закрывающей и коленей, кинулась к выходу из комнаты, светлый луч пронзил лёгкий сумрак и ударил Доннию в спину. Та упала на руки охранников без сознания.

***

В грудь и лицо призывателя были направлены сразу три обнажённых меча, но он словно не замечал оружия, его больше занимали окна поместья. Он скользил по ним прищуренным взглядом, сиюсь разыскать любимый силуэт, но видел лишь прикипшие к стёклам расплюснутые носы кухарок и садовника. Балкон и окна комнаты Доннии были плотно задёрнуты непроницаемыми полотнами гардин. Верховная жрица Аланна появилась на крыльце и неспешно направилась к нему, поигрывая кисточками длинной шали.

– Что привело в мой дом изгнанника рода Эльсинар? Я не даю аудиенций вне стен Храма Ньир. Если у Гильдии призывателей есть ко мне официальное дело, то настоятельно советую для начала встретиться с моим секретарём и изложить суть вопроса в письменной форме.

Келлард усмехнулся и посмотрел эльфийке в глаза.

– Ты знаешь, почему я здесь, Аланна. Иначе как объяснить столь... острое внимание к моей скромной персоне?

Он указал на сверкающие лезвия мечей и сложил руки на груди. Эльфийка сделала знак храмовникам, и те недоверчиво опустили оружие, сурово наблюдая за незванным гостем. Вопреки предостережениям жрицы, призывать армию демонов или творить массовые проклятия он пока не собирался. Да и посохом, закреплённым за спиной при помощи длинного ремня, воспользоваться не спешил.

– Настали дурные времена, когда жрицы уже не могут покидать своих покоев без верных рыцарей. Полагаю, ты слышал о том, что творится в городе.

– О том, что в Фэите восходит Новая Луна? – уточнил маг, поцокав языком. – Я думал, ты достаточно изобретательна, чтобы придумать какую-нибудь новую страшилку. Этой примерно столько же лет, сколько моей бабушке.

Лицо Верховной жрицы перекошилось от негодования. Хрупкие пальцы сжались в острые кулаки.

– Выходит, ты явился, чтобы оскорбить меня в моём собственном доме?!

– Не угадала, я пришёл справиться о здоровье твоей дочери Доннии. Мне донесли, что она плохо себя чувствует и совсем не выходит в Сумеречный сад.

– Тебе донесли? – вскинулась Аланна, подходя вплотную к магу. – Ты лжёшь, нечестивый колдун. У тебя нет ни друзей, ни слуг, ни шпионов. В твоём гадком подвале водятся лишь крысы и пауки!

– Прошу прощения, мой гадкий подвал был любезно предоставлен мне Храмом Ньир в обмен на услуги некромантов и алхимиков Гильдии.

– Убирайся вон, – прошипела женщина в лицо призывателю, – немедленно!

– Только после того, как ты сумеешь убедить меня в том, что Донния жива и здорова, – спокойно ответил он, не подумав отступить ни на шаг.

– С моей дочерью всё в порядке! – выплюнула она злобно.

За забором поместья, увитым плющом и диким виноградом, раздались громкие окрики возницы, стук множества копыт, визг бросившихся врассыпную детишек, что играли на мостовой. У ворот остановилась лёгкая карета, выкрашенная в цвета королевского герба, изумрудный и золотой. Услужливый кучер распахнул резную дверцу и тут же согнулся в подобострастном поклоне перед принцем Лорионом. Тот спрыгнул на тротуар и толкнул незапертую калитку ногой.

– Ваше Высочество! – ахнула Верховная жрица, приседая в поспешном реверансе.

Пепельные локоны её скользнули по плечам, когда она склонила голову, и Келлард невольно фыркнул. Его откровенно позабавили испуг и суета, охватившие в мгновение ока весь двор.

– Ну, ну, не стоит беспокоиться, – принц отмахнулся от принесённого кресла и подноса с освежающими лимонадами. – Я отправляюсь на прогулку и остановился здесь лишь на пару минут. Мы можем поговорить наедине?

Растерянная госпожа Аланна дрожащим голосом предложила пройти в рабочий кабинет её мужа, расположенный на первом этаже. Она бросила беспомощный взгляд на призывателя, уже набрала было воздуха в лёгкие, чтобы отдать приказ выставить его за ворота, но так и не решилась. Принц Лорион нашёптывал что-то ей в ухо.

В отсутствие Верховной жрицы отвести глаза солдатам из охраны было проще простого. Спустя пару минут Келлард стоял у спальни возлюбленной и прислушивался к тихим судорожным всхлипам с той стороны двери. Закованные в серебристую броню храмовники вповалку спали у призывателя под ногами, сражённые дурманом магического сна.

– Это вы? – удивлённо распахнула заплаканные глаза девушка, сидящая у изголовья кровати. То была старшая сестра Доннии.

Сдавившая сердце мага боль немного отступила, когда он понял, что плакала не его возлюбленная. Ириэн поспешно утирала слёзы широким рукавом платья.

– Что случилось? – как можно тише спросил он, опускаясь на колени возле кровати.

Любимая крепко спала, он видел это и чувствовал даже на расстоянии. Её нежное лицо казалось совсем юным, чуть разомкнутые губы розовели на фоне подушки, ресницы отбрасывали длинные тени. Не смея потревожить её, он всё же коснулся плеча девушки кончиками пальцев и ощутил бархатное тепло её тела.

– Подготовка к свадьбе отнимает все её силы, как видите, – пожала плечами сестра.

«Они лгут, все лгут», – мрачно думал Келлард, разглядывая родные черты. Её притяжение было так сильно, что он еле сдерживал себя от поцелуя, который неизбежно разбудил бы Доннию и наверняка заставил бы старшую сестрицу устроить переполох. Дом светлых жриц Ньир и командора Хранителей по иронии судьбы был опутан липкой сетью лживой магии, семейных тайн и недоговорок.

Он мог бы без особых усилий открыть портал в междумирье прямо в богато обставленной гостиной, мог бы призвать десятки верных теневых слуг во главе с Никс и Данэлем, в считанные минуты мог бы обратиться всех жителей поместья в иссохшие пустые оболочки без души и без единой капли крови. Если бы был уверен, что этого хочет любимая. А он был уверен в обратном.

Донния была привязана к матери и сёстрам, она любила и отца, который дважды в год возвращался в стены поместья из далёкого замка Хранителей в Пределе. Ей нравились розы в саду, добрые служанки, наряды и туфельки, она наслаждалась службой в Храме Ньир и своей целительной силой, пока у неё не отняли свободу.

– Господин Эльсинар... – прошептала над его плечом Ириэн и поспешно исправилась, вспомнив, что благородный род уже несколько лет как отказался от него. – Господин маг.

Келлард посмотрел на неё вопросительно.

– Вы ведь придёте на торжество? Донния только об этом и мечтает.

– Я приду, – сказал он, не в силах оставить её прямо сейчас, растягивая последние мгновения, когда между ним и любимой ещё не было проклятого Первого рыцаря и обручального кольца на её нежном пальчике. – Я обещал ей.

– Как вы думаете, любовь стоит того, чтобы за неё бороться? – с горечью спросила Ириэн.

– Откуда мне знать? Обратись к Верховной жрице, она мудра и знает толк в наставлениях, – пожал плечами призыватель.

– Вы должны знать, ведь вы любите мою сестру! – шёпотом вскричала девушка.

– Люблю, – выдохнул он, поднимаясь на ноги.

С этим коротким словом с его души будто свалился увесистый камень. Несколько минут назад он хотел уничтожить это поместье, позволить сумрачным демонам в ключья растерзать его обитателей, а теперь единственным его желанием было поскорее уйти отсюда и не осквернять комнаты любимой своими тёмными мыслями. Донния тихо вздохнула во сне и еле заметно улыбнулась.

– Люблю, и потому отпускаю её, – сказал он, поворачиваясь к Ириэн. – Прошу, не говори ей, что я приходил. Она поймёт всё сама, когда узнает о моём подарке.

– Что за подарок? – Эльфийка удивлённо смотрела, как над постелью сестры сплетаются причудливой вязью и тут же исчезают сотканые из тёмного дыма слова заклития.

– Лабиринт забвения, – усмехнулся Келлард. – Избавляет сердце от лишних страданий.

– Но это же... чёрная магия! Вы негодяй! – девушка едва не сорвалась на настоящий крик.

– О том, кто я такой, всем давно известно, – спокойно ответил призыватель. – Хотя, должен признаться, в прежние времена по эту сторону Вечных гор не употребляли глупые термины Ордена Инквизиции. Чёрная магия, белая...

– Стража, стража, держите его!

Маг аккуратно перешагнул через распластанных под дверью стражей и в буквальном смысле исчез за поворотом затенённого коридора.

Глава 9

Маленькая сцена таверны была окутана клубами синеватого дыма. Он поднимался из стоящих под ногами танцовщиц широких кувшинов густыми волнами, заволакивал извивающиеся гибкие тела и медленно расползлся под потолком. Яркие всполохи алых, жёлтых и золотых одежд появлялись и исчезали в такт барабанной дробы и переливчатой мелодии флейты. Волосы девушек, юных и тоненьких, как тростиночки, были украшены лентами.

Время от времени хитрые эльфийки выныривали из туманного морока и прохаживались возле ближнего к сцене ряда столов, чтобы дать гостям возможность полюбоваться безупречными телами и собрать побольше серебряных монет и вожеленных взглядов. Разгорячённые мужчины частенько подсакивали со стульев и протягивали руки, желая прикоснуться к упругим формам красавиц, но те ловко уворачивались от посетителей и вскоре возвращались на деревянный постамент, чтобы продолжить танец.

– Нет дыма без огня, верно? – раздалось над самым ухом Келларда.

Маг поспешно вскинул голову и для надёжности подпёр кулаком подбородок. В сумрачном мареве действительно мелькали язычки пламени, но он знал, помнил, что это иллюзия. Никакого огня в самом деле на сцене нет, эффект производят юбчонки и лифы артисток. Он отхлебнул из кружки, искренне подивившись тому, что она была наполовину полна горьковатым напитком. Кажется, он осушил её досуха ещё полчаса назад. Когда успели принести новую, призыватель не помнил.

– Там нет огня, – тяжело ворочая языком, ответил Келлард, пытаясь разглядеть нового соседа по столику. Для верности он махнул в сторону хохочущих девушек. – И дым ненастоящий. Иллюзия...

– Вы так думаете? А эти красотки – неужели тоже наваждение? То-то у меня никак не получалось шлёпнуть рыженькую по заднице... Одно огорчение. Обман на каждом шагу!

Полноватый светловолосый эльф со светлыми же глазами грузно плюхнулся на стул. Келларду было всё равно. За то время, пока он сидел за крохотным столиком у стены, перед его лицом возникло и исчезло уже несколько незнакомых, смазанных дымкой лиц. Немного запомнился ему только суровый бородатый воин-наёмник, молчаливо проглотивший мясо и эль, да тщедушный старичок, без устали твердивший о Новой Луне и её безжалостных последователях.

Наёмный солдат убрался сам, старичка пришлось отвадить простеньким заклинанием, хотя его кричающий возмущённый голос долго ещё преследовал подвыпившего мага, раздаваясь из разных уголков заведения. Были и другие эльфы и, кажется, даже один человек. Свободный и хорошо одетый, что было совсем не свойственно для эльфийской столицы, где людей держали в качестве рабов или слуг для грязной работы. У Келларда даже мелькнула мысль, что это мог быть какой-нибудь дипломат. Политикой маг не интересовался, но военные времена давно прошли, возможно, Высший Совет людей отрядил кого-то для поездки в Фэит и ведения мирных переговоров.

– Вы из этих, да? – указав на посох, спросил светловолосый.

– Да, – с готовностью кивнул призыватель.

– Говорят, в Гильдии Магов вас не слишком-то жалуют, – продолжил незнакомец, принимая у разносчицы тарелки с аппетитными зажаренными рыбками и золотистым сладким картофелем.

Келлард пожал плечами, задумчиво уставившись на еду. В желудке давно образовалась сосущая пустота, которую он время от времени заливал приносимым пойлом, упорно отказываясь от закуски. Ему нравилось, что дурман в голове с каждой новой кружкой всё больше отдаляет его от душевной боли.

– Угощайтесь, – добродушно предложил сосед по столику, пододвинув тарелку на середину. – Я ничего против ваших демонов не имею, более того, моя жена – та ещё демоница, можете мне поверить! Любую вашу тень за пояс заткнёт и провернёт через мясорубку. А уж когда гневается, тут никаких магов не хватит, чтоб её уговорить.

– Благодарю. – Призыватель взял одну рыбку и проглотил её, не почувствовав никакого вкуса.

– А у вас есть супруга? – полюбопытствовал эльф, отхлёбывая из своей кружки.

– Была, – поморщился Келлард и опустил глаза.

– А дети? – не отставал неугомонный собеседник.

– Сын... был... – с трудом выговорил маг.

Сейчас он не помнил о надежде и разговоре с Лизабет: тьма подсовывала ему из своих глубин те ответы, какие больше подходили его состоянию.

– Милостивые боги, я слышал, что некромантов и прочих тёмных колдунов часто преследуют неудачи, но чтобы вот так... Знайте, я сочувствую вам! – приставучий эльф потрепал Келларда по плечу.

Тот помотал головой, набрался решимости и опрокинул в себя оставшееся пойло.

– Вам нужна добрая душа, господин волшебник, – улыбнулся светловолосый. – Очень желательно, чтобы она была заключена в красивое женское тело.

– Была... – махнул рукой маг и уронил голову на руки.

Некоторое время он явственно видел Доннию. Сначала безмятежно спящей, уютно прильнувшей к его плечу, потом – обнажённой, неистово срывающей с него одежды. В постели её кротость бесследно испарялась, она отдавалась ему жарко, не сдерживая стонов и переполняющей молодое тело энергии. Он недоумевал, что она нашла в нём – потрёпанном Инквизицией худосочном колдуне, – когда в Храме Ньир всегда в достатке было рыцарей и воинов, чьи крепкие мускулы заключали в себе живую силу, не тронутую влиянием сумрака.

На смену воспоминаниям, в которых они подолгу предавались горячим ласкам, пришла звенящая пустота подземелья. В ней пахло сыростью, старой кровью и издохшими крысами. Он брёл и брёл куда-то, опираясь на осыпающиеся стены. Под ногами блестела вода, везде были запертые решётки, и он помнил, что за одной из них увидит нечто такое, чего не сможет забыть. Уже скоро, совсем скоро, за тем поворотом. «Нет, туда нельзя», – и вновь он в ласковых руках Доннии, вновь её губы поспешно целуют его лицо, зажмуренные веки, щеки с дорожками солёных слёз.

«Лабиринт забвения – это особое заклинание, над ним работали десятки лет...» – шепчет он любимой.

«Игры с памятью опасны, я слышала, как некоторые лишались рассудка от подобных воздействий», – возражает целительница.

«Если пользоваться мгновенными заклинаниями, то можно повредить мозг, всё верно. Но Лабиринт потому так и называется, что работает постепенно. День за днём то чувство или эмоция, на которую наложено заклятие, увлекаются всё дальше в сумрак сознания. И наступает день, когда приходит свобода. Эльф или человек постепенно забывает о своей боли», – терпеливо рассказывает Келлард.

– И сколько дней есть на то, чтобы отменить заклятие? – поинтересовался звонкий женский голос. Он звучал откуда-то снаружи, резко и слишком громко.

Призыватель вздрогнул всем телом и протёр глаза. Таверна продолжала мерно гудеть, но на сцене уже никого не было, и от дымного угара остались только тонкие серые струйки, вытекающие из закопчённых кувшинов. Одна из танцовщиц сидела на коленях у богато разодетого купца, другая с хохотом разливала вино компании молодых людей, судя по форме, студентов магической Гильдии.

– Сколько дней, я спрашиваю?! – по столу ударила крепкая рука, униженная зачарованными кольцами.

– Девять... – сказал Келлард, поднимая голову.

– Кел, когда ты это сделал? Сегодня? Отвечай, пьянь!

Вместо любопытного незнакомца напротив сидела коротко остриженная женщина с татуировкой на щеке. Левый висок её был выбрит наголо, жёсткие остроконечные уши украшали маленькие серьги со сверкающими камнями. Одежду эльфийки составляли кожаные штаны, тёмная шёлковая рубаша и наброшенный на плечи дорожный плащ. В отличие от всех предыдущих лиц, что довелось созерцать Келларду за этот долгий вечер, это лицо было до боли знакомым.

– Сегодня, – покорно кивнул он. – Рин, что ты здесь делаешь?

– Какое счастье, меня узнали наконец! – грубовато рассмеялась волшебница.

Ринарет была одной из призывателей, талантливым мистиком, специалистом по порталам и временным пристанищам в сумраке. О её способностях водить за нос искателей Ордена ходили легенды, как, впрочем, и о несносном характере, которым эльфийка гордилась. Детство Рин провела на улицах, в нищих грязных кварталах Дорифиса – города, что был расположен в нескольких десятках миль восточнее столицы. По слухам, приёмные родители нашли восьмилетнюю эльфийку в сточной канаве, где она умирала от побоев и ран, сама же девушка в зависимости от настроения рассказывала разные истории, и ни одна из них не была правдивой.

– Мы нашли отличное место, где можно обосноваться, – сообщила она, за обе щёки уплетая принесённый ужин и прихлёбывая вино.

– Вы? – задумался Келлард, пытаясь переварить услышанное. – Вы – это кто?

– Гаэлас и я, разумеется! – разозлилась Рин. – Мы надеялись, что ты ждёшь нашего возвращения!

– Жду, – согласился маг. – У меня для Гаэласа есть... новость.

– Правда? – Она склонилась через столик. – Что за новость?

– Я забыл, – признался Келлард и обвёл таверну невидящим взглядом. – А где он? Где Гаэлас?

– Пошёл домой, – с набитым ртом ответила девушка, – в ваше подземелье.

Что-то заставило призывателя с грохотом вскочить со своего места и протестующе замахать руками. При этом он уронил стул и расплескал вино соратницы по Гильдии. Таверна и все её посетители закружились перед глазами, сливаясь в калейдоскоп из огней, лиц, посуды и разномастной одежды.

– Сядь! – скомандовала Рин и силой усадила опасно качающегося мага обратно, одним движением ноги вздёрнув стул на ножки.

– Мне надо идти, сказать Гаэласу что-то важное! – протестующе замычал Келлард.

– Утром скажешь, сейчас ты на ногах не держишься. Ты же не думаешь, что я потащу твою тушу на себе на другой конец Фэита?

Он помотал головой.

– Вот и прекрасно. Я сняла комнату. Сейчас доем и пойдём спать. Не помню, когда спала в настоящей кровати, с одеялами и подушками.

В следующий раз сознание вернулось к Келларду уже в комнате. Он с удивлением рассматривал незнакомую обстановку и никак не мог сообразить, как он здесь оказался, пока настойчивые руки не принялись стаскивать с него балахон. Остаться без одежды в чужом жилище ему не хотелось, потому он крепче вцепился в ворот мантии, но эльфийка тут же принялась за его сапоги и штаны.

– Веди себя хорошо, магистр Эльсинар, иначе будешь спать на коврике, – сказала девушка.

Когда она подняла на него глаза, он вспомнил, что в таверне его отыскала Ринарет. Она – своя, ей можно доверять. Маг позволил ей расправиться с его одеждой и потянулся за одеялом, чтобы прикрыть наготу. Она поймала его за плечи, не дала упасть, потому как комната тоже решила пуститься в пляс и исподтишка норовила ударить гостя дощатым полом в лицо. Лёжа было намного легче, хотя почему-то казалось, будто кровать качается, как лодка, желая выбросить мага наружу.

Рин посмотрела на него и рассмеялась, она всегда легко меняла настроение – то злилась, то начинала хохотать, это Келлард тоже помнил отчётливо. Сейчас она стояла вполборота к постели и стягивала с себя рубаху и брюки. Тело её было жилистым, поджарым. В сосках небольшой груди и пупке поблескивали зачарованные безделушки.

– Это больно? – спросил маг, не сводя глаз с украшений на груди, когда Рин блаженно растянулась рядом поверх одеяла.

– Хочешь такие же? – усмехнулась она.

– Нет... – подумав, ответил он.

– Чистая постель. – Потянувшись, она легла на бок и встретила глазами с Келлардом. – Ты знаешь, я давно разучилась мечтать о чём-то значительном. Вроде собственного дома или прекрасного рыцаря в койке.

– Угу, – чуть улыбнулся он.

– Спи, – сказала Ринарет и забралась под одеяло.

– Все девушки любят прекрасных рыцарей, да? – задумчиво пробормотал маг.

– Твоя Донния любила тебя, например. Хорошая душа.

– За что?..

– Откуда мне знать? Я бы такого идиота никогда не выбрала. Как у людей говорят, ни кола, ни двора, да ещё и шкура драная. Про умственные способности вообще промолчу. Всегда удивлялась, как это тени тебя слушаются, но потом поняла как: у них мозгов нет.

– Это точно, – прошептал Келлард.

– Ладно, не слушай меня, я ничем не лучше. Прости.

Она замолчала и закрыла глаза, чувствуя на своём лице его взгляд. Он осторожно придвинулся и обнял её горячей рукой, провёл ладонью по спине и чуть ниже. Рин порывисто вздохнула и прильнула к магу всем телом, нашла губами его пахнущие травяной горечью губы.

– Ты другая...

– Да уж конечно, не изнеженная столичная белоручка, как некоторые!

– Нет, не в этом смысле. Обычно ты злая. Ехидная. Не знаю, как ещё сказать.

Ринарет фыркнула:

– Compliments у тебя так себе, магистр. Помолчи лучше. Я молча люблю, без всяких сопливых признаний и прочей шелухи.

Он сжал девушку покрепче и запустил пальцы в ёжик тёмных волос на её затылке. От неё пахло чем-то давно позабытым – лесом, костром, дальней дорогой. Трудно было поверить, что они находились в таверне, в самом сердце эльфийской столицы. Где-то далеко-далеко играла музыка, и казалось, что нужно успеть за ней, попасть в такт. И там же, на грани слышимости, жалобно скрипела старая кровать, и Рин, которая обещала любить молча, едва сдерживала крики и до крови царапала его плечи.

Она действительно была другой – непривычно сильной, непокорной, но дар её горел в груди уверенным тёмным пламенем, и не было страшного края, не было в эти мгновения пустоты. Маг долго не выпускал её из рук: ему казалось, что стоит остановиться и разжать хватку, как приткая любовница выскользнет и убежит прочь. Когда всё наконец закончилось, он всё ещё судорожно прижимал её к себе, тяжело дыша.

– Пусти, жарко! – воскликнула она.

Келлард послушался, и девушка откинулась на подушку, хватая ртом воздух.

- Ты не молчала... – рассеянно заметил он.
- Ты хорош. Я беру свои слова обратно. Давно мне так здорово не было.
- А Гаэлас? – зачем-то спросил призыватель.

Рин расхохоталась и принялась вытирать пот с лица и груди.

– Думала, ты о лучшем друге знаешь всё! Он ведь у нас уже много лет ведёт монашеский образ жизни, с тех самых пор, как любился с той человечкой. Помнишь? Сония её звали, кажется. После неё ни на одну бабу не посмотрел, уж не знаю, чего там особенного между ног у людских девок. А может, забрала она его мужскую силу, ведьма эдакая... от людей не жди добра.

Что-то прочно связанное с Гаэласом вновь попыталось всплыть в памяти Келларда, но так и не смогло пробиться сквозь алкогольный дурман. Девушка устроилась рядом, свернулась в привычный телу клубочек и вскоре задремала. Келлард укрыл её и почувствовал, что бешеное кружение в голове и качка неведомой лодки вдруг прекратились, стало невообразимо тихо и спокойно. В тёмных окнах стояла ночь, без луны и звёзд. Небо было затянуто низкими сизыми облаками. Бережно коснувшись взъерошенных волос Ринарет, маг наконец провалился в глубокий бездонный сон.

***

Лиза неподвижно сидела на коврике у камина и упражнялась в концентрировании магической силы. Чуть поодаль лежал ароматный подарок Келларда – девушка заботливо укрыла дохлую крысу несколькими слоями тряпки, оставив снаружи только её остренький бледный носик. Заклинание, которым ей когда-то в Фоллинге удалось поднять из могилы давно умершего пса, почему-то не работало. Некромантка не могла разобраться, что мешает её дару свободно течь вместе с кровью, как это было всегда, сколько она себя помнила. Раннее детство без магии казалось бесцветным, смазанным, как рисунки, которые они с братом делали пальцами на песчаном берегу реки. Когда пробудился дар, вместе с первыми неумелыми искрами, прожигающими платье, к Лизе пришёл настоящий интерес к жизни.

Она вздрогнула, мысленно прикоснувшись к догадке: быть может, её нежелание приходить в себя, выныривать из сумрачного небытия и погасило в сердце магический огонь? Ни в одной из книг такого явления описано не было, но Лиза ухватила за эту версию и принялась обдумывать её. С того дня, как они уговорились с Келлардом, что Велиор жив, девушка не расставалась с детской игрушкой возлюбленного. Иногда, засыпая, она представляла себя могущественной волшебницей, способной через предмет передать мысли на огромные расстояния. Сильные мистики могли связываться друг с другом телепатически, и, хотя дар Лизы был совсем иной природы, она воображала, будто любимый слышит то, что она тихонько шепчет в деревянное ухо маленького коня. Магия разума находилась под запретом, но все, кто так или иначе обладал склонностью к ней, всё равно потихоньку пользовались телепатическими хитростями.

«Ты слышишь меня, Велиор?» – шёпотом вопрошала она и спустя несколько мгновений отвечала сама себе. «Я слышу тебя, любовь моя, мне не хватает тебя здесь», – говорил он. «Скажи, где ты, я найду тебя. Мы найдём тебя, как только восстановим Дорогу мёртвых. Твой отец не верит, что я смогу занять место Тэрона, говорит, что у меня не хватит сил. Я знаю, что хватит, во мне течёт эльфийская кровь».

Сердце отзывалось в груди острой тягучей болью, словно в нём застряла зазубренная игла, но слёз не было. Лиза твёрдо решила не оплакивать любимого, пока судьба его и всех, кто остался в Академии Трира, не станет до конца ясна.

«Что за расслабленная поза, Лизабет! Ты собралась пить эль и любоваться закатом или всё-таки сражаться с противником?» – Это уже был голос учителя. В воспоминаниях Тэрон стремительно расхаживал по классу, а его чёрная накидка вздымалась за спиной, как крыло. Девушка вытянула шею, выпрямилась и занялась построением защитного купола.

– Сотворю защиту и попробую выглянуть в коридор. Если призванная Келлардом тень вздумает напасть на меня, буду готова! – пообещала себе она.

На этот раз дело пошло на лад. Лизе удалось ухватиться за тоненькую нить магии и начать осторожно раскручивать невидимый клубок. Сотканный отражающий кокон был больше похож на клетку, сделанную из мотка спутанной проволоки, но всё же он был прочен. Она поднялась и размяла ноги и спину. Сияние тусклых сиреневых всполохов не колебалось и не исчезало, горело вокруг девушки ровным сумрачным светом.

На волне воодушевления она хотела было немедленно заняться крысой, но вспомнила предостережение Келларда и решила повременить. Походив по комнате, Лиза приблизилась наконец к двери и потянула за ручку. Громко заскрипели заржавленные петли, в лицо дохнуло холодом и сыростью большого ненатопленного помещения. Тусклый магический свет горел неравномерно, а потому девушка не сразу поняла, куда запропастилось создание сумрака.

– Эй ты! – окликнула тeneвую сущность Лиза.

Расправив во все стороны лиловые щупальца, сверкающие крохотными молниями, чёрная как смоль тень двинулась к живой девчонке. Конечно, привлѣк её не оклик некромантки, а её горячая кровь, пульсирующая во взволнованном сердце. Однако столь желанная жизненная сила оказалась под запретом. Это была та, кого маг приказал защищать. Тень с сожалением поплавала вокруг Лизы, печально ухая, и голос её напоминал приглушённый лязг железа в пустом колодце.

– По-моему, ты не собираешься меня жрать... – рассудила Лизабет.

Как ни старалась она сохранять смелость, воспоминание о напавших на неё на болотах беспризорных тенях было ещё чересчур свежо. Помимо воли девушка вжималась спиной в стену из тёмного кирпича и мелкими шажочками передвигалась в обратном направлении. Создание потеряло к ней интерес и вскоре отлетело ко входу в подземелье.

– Вот и молодец, – прошептала некромантка. – Сторожи дверь, а если кто-то подойдёт к ней с той стороны, то вой погромче, понятно?

Тень откликнулась протяжным стоном, а Лиза поспешно юркнула в свою маленькую келью и вновь занялась упражнениями. Время было уже позднее. В скрытых под землёй жилищах не было окон, а часы висели только в лаборатории призывателей, но девушка всё равно неплохо ориентировалась, прислушиваясь к себе. Сейчас глаза её уже начинали слипаться, она несколько раз зевнула и сделала вывод, что медная стрелка показывает примерно полночь.

Келларда не было. Развернув его подарок, она прикрыла нос рукавом, а про себя всё думала и думала, куда запропастился её несостоявшийся свѣкор. Лиза уже поняла, что ворчливый колдун может быть достаточно импульсивен, а вкупе со скверным характером это могло привести к серьёзным неприятностям. Что если королевские стражи задержали призывателя, когда он пытался проникнуть в поместье, где жила Донния? Что если он применил магию там, где это запрещено?

Прежде Лиза не могла себе представить, что можно так быстро привязаться к незнакомому человеку или эльфу. Дома в Фоллинге у неё были друзья, но всё-таки самым доверенным лицом всегда оставался Фредерик. Ни с кем другим девушка не могла бы поделиться своими тайнами, даже самыми маленькими. Подружки из простых семей, не наделѣнные волшебным даром, болтали о таких вещах, которые никогда не интересовали Лизу, – о лавках с украшениями в Вестене, о приданом, что готовили родители, и даже о симпатичных искателях из отряда Ордена, что изредка проезжали через Фоллинге.

Вспомнив о доме, девушка уже не смогла сосредоточиться на магической практике. Она размышляла о том, как из далѣкой эльфийской страны, отделѣнной от мира людей Вечными горами, отправить весточку родителям. Ах, если бы был жив магистр Тѣрон, он непременно придумал бы что-нибудь! А Фред! Как прилежно юный непоседливый маг огня отвечал на письма сестры! Казалось, что даже его почерк стал за время их переписки намного аккуратнее.

В конце письма Фредерик всегда прожигал в бумаге дырочку, прикладывая большой палец, – это была его фирменная огненная печать. Лежат ли ещё их письма в ящике Лизиного стола в Академии?..

– Эй, есть кто-нибудь живой? – Звучный голос за дверью заставил Лизу подскочить от неожиданности.

С перепугу она даже поняла каждое эльфийское слово. Спустя несколько секунд дверь распахнулась и на пороге появился запыхавшийся незнакомый эльф. Девушка поспешно вскочила и растерянно уставилась на него. Тень лениво маячила за его плечами, а это значило, что явившийся не был чужаком. Более того – глаза незнакомца, его тёмные с пеплом волосы, бледная кожа, всё это совершенно однозначно складывалось в тот образ, который Лиза рисовала в своём воображении.

– Не может быть... – Гаэлас недоверчиво качнул головой, будто замершая перед ним девушка могла вдруг оказаться наваждением.

– Вам не кажется, – сказала Лиза на своём языке, помня, что её настоящий отец должен понимать человеческую речь. – Я правда здесь. Так получилось.

– Лизабет... ты такая... – Эльф подошёл к ней, жадно разглядывая худенькую девушку с головы до ног. – Ты ведь совсем взрослая. Я думал, что Тэрон преувеличивает. Всё видел тебя маленькой девочкой... а люди растут так быстро!

– Мне уже восемнадцать исполнилось в прошлом году.

– Да, да, я знаю. Ты родилась в ночь на первый день зимы.

– Это правда? – зачем-то спросила девушка. – Вы правда мой отец?

Сейчас ей вдруг потребовалось подтверждение очевидного факта. Она собственными глазами видела, что они с эльфом похожи друг на друга, как могут быть похожи только очень близкие родственники.

– Да, – кивнул Гаэлас и, больше не сдерживаясь, заключил её в объятия, крепко прижав к себе.

Дар Лизы мгновенно очнулся ото сна, вспыхнул в её груди, обжигая и заставляя задыхаться от волнения. Сила, которую совсем недавно она тянула по тоненькой ниточке, была теперь настоящей стихией, и вздумай она сотворить заклинание, поднялась бы не только несчастная дохлая крыса, но и целое кладбище во дворе эльфийского Храма.

– У тебя такой сильный дар, ты словно солнце... маленькое сумрачное солнышко, – прошептал некромант, глядя дочь по волосам.

Он неловко поцеловал её в висок, смущаясь своих чувств и не в силах больше произнести ни слова. Лиза уткнулась в воротник его дорожной мантии и никак не могла поверить, что это случилось. Спустя столько месяцев странного ожидания, полного сомнений и недоверия, вот так запросто произошла её встреча с настоящим родителем. Эльф вздохнул и отстранился, чтобы получше рассмотреть её лицо, и она увидела, что на его глазах блестят слёзы.

– Я так долго ждал тебя, Лизабет, – сказал он. – Когда мне рассказали про Трир, думал, что сойду с ума...

– Ты знаешь?

– Весть о падении Трира разлетелась по Веллирии уже на следующий день. Мы пытались вернуться тайной дорогой, чтобы спасти уцелевших, но она выводила нас в незнакомые уголки мира...

– Я знаю о Дороге мёртвых, Гаэлас. И о том, почему она разрушается.

Некромант восхищенно посмотрел на дочь и поспешно утёр сбежавшую по щеке слезинку.

– Не обращай внимания, это от... это глаза слезятся от запаха. Кто приволок в мою комнату протухшую крысу?

Глава 10

Под сводами королевской трапезной разливалась гулкая тишина. Люстры и канделябры были давно потушены, стрельчатые окна – задвинуты бархатными гардинами, высокие узорчатые двери – плотно заперты на ключ. На столе среди изысканных блюд, чуть тронутых вилок и давно уже остывших, горела единственная свеча. Подперев острый подбородок кулаком, принц Лорион мрачно наблюдал за тем, как горячий воск медленно плавится от огня и стекает в блюдце подсвечника. Иногда он дул на ползущие капли, заставляя их останавливаться на полпути. Пламя чуть колыхалось и потрескивало, и этот крохотный звук был единственным, что слышал молодой эльф. И королевская чета, и слуги давно спали, поэтому, когда в двух шагах от принца раздалось вежливое покашливание, он встрепенулся и подскочил на стуле.

– Извини, я не хотел тебя напугать, – прошелестел вкрадчивый голос.

– Как ты вошёл? – истерично вскрикнул Лорион.

– Окно в кухне оказалось не заперто, – пояснил ночной гость, пожав плечами.

Мгновение спустя он приблизился, и в тусклом круге света стали различимы его тёмные одежды из особой бесшумной ткани – паутинного шёлка. Откинув с гладко выбритой головы капюшон, адепт Новой Луны по-хозяйски уселся на край стола, подцепил кончиками пальцев ломтик ароматной крольчатины, с видимым удовольствием прожевал его и облизнулся. Язык этого отвратительного эльфа был длинным, как у ящерицы.

– Завтра же велю казнить того, кто оставил окно открытым! – передёрнувшись от омерзения, сказал принц.

– Напрасно. Этому замку не помешает свежий воздух, к тому же я не трогал решётку. Ты в полной безопасности, королевский детёныш.

Лорион нервно улыбнулся и откинулся на спинку кресла, изо всех сил напуская на себя непринуждённый вид. Его несказанно волновал тот факт, что для культистов из Новой Луны словно не существовало препятствий в виде королевских стражей, замков на дверях и натасканных на незваных гостей собак. Они появлялись и исчезали в любое время суток, никем не замеченные, а потому все разговоры о безопасности в присутствии тайных агентов культа казались какой-то нелепой насмешкой. Впрочем, пока принцу действительно ничего не угрожало.

– Мой отец хорошо платит вам, – фыркнул наследник престола, чтобы подкрепить собственные мысли хоть какими-нибудь вескими доводами.

– Ты всерьёз думаешь, будто деньги – это главное для таких, как мы? – усмехнулся лысый, придирчиво осматривая бокал, прежде чем плеснуть в него вина из хрустального графина.

Испробовав напиток, он удовлетворённо кивнул и наколол на длинные зубцы серебряной вилки новый кусочек мяса. Беспокойные телодвижения Лориона, который не знал, как удобнее устроиться в кресле, несколько не волновали ночного визитёра. Некоторое время он преспокойно вкушал королевские яства, всем своим видом показывая, что никуда не торопится и готов мило поболтать. Принц пристально следил за ним, дожидаясь обещанных сведений.

– Мы служим не хаосу и не Вечной тьме, как думают некоторые невежды, – философски заявил культист, отпивая новый глоток вина. – Они говорят, что мы творим бесчинства, когда Ньир закрывает глаза, а луна скрывается с небес. Но это не так. Мы служим равновесию в этом мире. Как Солнечные стражи или Орден Инквизиции у людей. Как Хранители у нас.

– Ни Солнечные стражи, ни Хранители не режут глотки по ночам ничего не подозревающим горожанам, – заметил Лорион и поёжился.

– Мы рассуждаем о глобальных целях, а не о способах их достижения, – улыбнулся адепт Новой Луны. – Благодаря нашей организации баланс между властью короля и влиянием жрецов Храма Ньир соблюдается. Что же касается простых мирных граждан, то они редко стано-

вятся мишенями для наших клинков и стрел. А потому абсолютное большинство довольно установившимся порядком. Разве не этого мы добивались столько долгих лет?

– О вас стали слишком много говорить, – заметил принц с лёгким укором в голосе.

– Потому что так нужно на данный момент. Иногда сумрачная завеса приподнимается и выпускает в мир живых нескольких демонов, не правда ли? Здесь почти то же самое. Нельзя, чтобы мир забывал о нашем существовании. Нельзя также, чтобы болтал чересчур много.

Говоривший был эльфом по рождению, но в культе Новой Луны всем посвященным отрезали кончики ушей и сбрасывали волосы, а потому настоящими эльфами в приличном обществе они уже называться не могли. Без волос по столичным улицам ходили разве что рабы, да и те частенько выпрашивали у хозяев клочок ткани, чтобы прикрыть лысину, или кожаный шнурок – повязать вокруг головы. Воины и городские стражи стригли волосы коротко, аристократы и те, кому очень хотелось ими казаться, носили локоны или укладывали волосы в причудливые причёски, непременно открывая длинные уши. И только отъявленные преступники, кем на самом деле и были приверженцы тайного культа, демонстративно лишались атрибутов эльфийского общества. Впрочем, сами себя они преступниками вовсе не считали.

– Я собираюсь спать, – нетерпеливо сказал принц, отбрасывая с колен измятую салфетку.

– Вижу, тебе не терпится послушать свежие новости? – Адепт сверкнул заострёнными зубами и склонился ближе к мерцающему пламени свечи. – Должен заметить, что вверенное мне дело представляется крайне скучным и утомительным. Наш подопечный колдун Келлард Эльсинар нисколько не заботится о себе. Этим вечером и ночью я мог бы убить его пару десятков раз.

– Ты убьёшь его тогда, когда я скажу! – раздражённо выпалил Лорион.

– Дай угадаю... – притворно потянулся эльф. – Ты велишь зарезать его на свадьбе этой милой крошки Доннии и Первого рыцаря?

– Я пока не решил, но такой вариант не исключён. Докладывай, что ты видел.

– Ничего выдающегося, – фыркнул убийца. – Из поместья Верховной жрицы он отправился в таверну «Меч и гримуар», где нализался со случайными знакомыми, а после встретил ведьму из своей Гильдии и пошёл с ней наверх в комнаты. Надо сказать, девица эта оказалась сильна. Втащила его по крутой лестнице на второй этаж.

– Ну-ка, ну-ка, – глаза принца Лориона заинтересованно вспыхнули. – А что было дальше?

Адепт Новой Луны презрительно наморщил нос.

– Они улеглись в постель. Избавь меня от необходимости описывать подробности, иначе меня стошнит на твои крахмальные скатерти. Никогда не понимал ни влечения к женщинам, ни этих гадких телодвижений.

– А кроме ушей вам ничего не подрезают? – невзначай проронил принц, но заметил на себе цепкий взгляд убийцы и прикусил язык.

– Когда они наконец заснули, я поспешил сюда. Вот и весь сказ.

– Любопытно, – задумчиво резюмировал Лорион, поцокав языком. – Я думал, наш колдун страдает по красоте жрицы в той же мере, что и она по нему. А здесь что-то не сходится.

– Он был пьян, – подсказал адепт.

– А прежде не имел привычки шляться по тавернам, сидел себе в своём подземелье, варил зелья и возился со всякой призванной из междумирья дрянью. Что ж, быть может, его пьяные выходки пойдут на пользу моему воспитательному процессу. Донния непременно узнает о них, и это окончательно убедит её в моей правоте относительно Первого рыцаря. – Принц задумался, напряжённо прикидывая что-то про себя, но вскоре лицо его просияло. – О да, именно так и будет. Она сама попросит принести ей голову этого колдуна на фарфоровом блюде, вот увидишь! Её сумасбродная любовь обернётся страшной ненавистью. И тогда ты убьёшь его и получишь свой гонорар.

Воображение эльфа разыгралось, щёки вспыхнули нездоровым румянцем. Он вскочил и принялся расхаживать по зале, в то время как адепт Новой Луны сосредоточенно ковырял ногтем в зубах и наблюдал за ним с выражением крайней скуки на лице. Ему хотелось поскорее покончить с призывателем, получить оплату за труды, убраться в Дорифис и залечь на дно. За последние дни он по горло был сыт идиотскими интригами королевского сыночка.

– Призыватели опасный народ, – заметил убийца, приготовившись уходить.

– Скажи ещё, что ты боишься?! – воскликнул Лорион.

– Я – нет. Моё лицо известно в городе только двум королевским особам, твоё же знает каждый житель Фэйта, – загадочно ответил адепт и картинно поклонился.

– Делай свою работу, всё остальное пусть тебя не волнует! – Принц указал гостю на дверь, в которой торчал длинный ключ.

– Я всё же уйду тем путём, которым пришёл, – прошелестел эльф, мотнув головой.

Лорион сжал кулаки, но ничего больше не сказал. Служители Новой Луны никому не подчинялись и не признавали государственных законов. Даже если бы этот уродец с отрезанными ушами плюнул в лицо принца, он смог бы легко избежать наказания. И с этим, несомненно, нужно было что-то делать, но что конкретно – Лорион пока не знал.

Неожиданный поворот событий в деле Доннии взбудоражил его воображение, а потому принц до самого утра не мог уснуть, всё размышлял о том, как поймал на удочку возлюбленного глупой жрицы. В такие моменты Лорион готов был признать, что эльфы бывают куда забавнее экзотических зверюшек, запертых в золочёные клетки.

***

Косые лучи утреннего солнышка медленно подбирались по подушке к лицу спящего мага. Он пошевелился во сне, повернул голову – и ослепительный свет вдруг ударил по неплотно сомкнутым векам. Келлард застонал и прикрыл глаза рукой. За последние годы он совсем отвык просыпаться в светлых помещениях: с тех самых пор, как род Эльсинар отказался от нерадивого потомка, призыватель жил в подzemелье Храма, где утро, день и ночь ничем не отличались друг от друга.

– Ну наконец-то! Я уже хотела запустить в тебя молнией! – с упрёком сказала Ринарет.

Девушка стояла у распахнутого настежь окна. Она была одета в рубашку, дорожные штаны и сапоги. Руками Рин придерживала стоящий на подоконнике глиняный кувшин. Келлард с трудом оторвал голову от подушки и неторопливо сел. В затылке и висках ломило так, словно коллега по Гильдии уже осуществила свою угрозу и шарахнула в него заклинанием.

– Сейчас утро? – хрипло осведомился он, протирая глаза.

– Почти полдень! – она подхватила кувшин и порывисто протянула магу, чуть расплескав воду на сероватое одеяло.

Некоторое время он молча пил, с трудом удерживая тяжёлый сосуд в дрожащих от слабости руках. Рин громко сопела, сидя рядом и всем своим видом выражая недовольство. Это она умела хорошо. Келлард оторвался от воды и окинул взглядом скромную гостиничную комнату: небольшой столик у окна, потёртый ковёр, приоткрытый рассохшийся шкаф... единственную кровать.

Глядя на девушку, трудно было сказать, ложилась ли она спать прошлой ночью. Ему стало неловко при мысли о том, что он занял спальное место, а ей пришлось ютиться в старом кресле в углу. Свёрнутое коконом покрывало говорило о том, что Ринарет ночевала там, но маг испытывал странное ощущение, будто совсем недавно рядом с ним была женщина. Он обнимал чьё-то гибкое тело, прижимал его к себе во сне, слышал тихий шёпот и чувствовал прикосновения губ к щекам и шее. Чтобы отогнать странное наваждение, маг провёл рукой по чуть колючему подбородку и задумался.

– У меня есть дела в городе, и я не намерена терять целый день на то, чтобы привести тебя в чувство, – сказала Рин. – Поднимайся. Гаэлас наверняка заждался тебя в убежище.

– Я... сейчас.

Келлард вернул подруге кувшин и откинул одеяло, чтобы встать, но тут же обнаружил, что раздет донага и вновь укрылся.

– Смотреть на тебя противно, – прокомментировала девушка, подбирая с пола одежду мага и небрежно швыряя ему в лицо.

– Прости, – глухо ответил он и принялся натягивать штаны.

Выходит, она не только притащила его сюда, на второй этаж «Меча и гримуара», но и раздела, и уложила спать. И даже припасла воды на утро. Он плеснул себе в лицо из кувшина и потряс головой, будто надеялся вытряхнуть ломящую боль и тёмные пятна, закрывающие воспоминания. Сквозь боль начала возвращаться и память. Келлард мучительно зажмурился и спрятал лицо в ладонях.

Он давно уже не напивался так сильно, но самое страшное было не в этом. Перед глазами беспощадно вставал вчерашний день. Острия сабель во дворе поместья Верховной жрицы, спальня Доннии, слёзы её сестры Ириэн, а после – сплетённые над любимой символы древнего заклинания, призванные избавить её от любовных мук. Ещё раньше, а теперь кажется, что в какой-то другой жизни, – их последняя ночь в подzemелье, её негодующий крик: «Нет, ты не посмеешь!» И всё же он сделал это, вопреки её желанию, вопреки велению собственного сердца. Ради её будущего, свободного от него, безродного теперь колдуна. Как там сказала вчера Ринарет?.. «Я бы никогда не выбрала такого идиота, как ты». А когда она это сказала?

– Рин? – прошептал он, всё ещё надеясь на чудо. – Прошлой ночью я тебя... мы с тобой...

– Тебе приснилось! – резко оборвала она его попытки подобрать подходящие слова.

– Не уверен. – Призыватель поднял голову и внимательно посмотрел на эльфийку.

Та деловито перебирала содержимое холщовой заплечной сумки, гремя пустыми флакончиками и позвякивая металлическими кольцами застёжек. Он знал её давно, но они никогда прежде не сближались. Иногда кто-то из магов Гильдии принимался заигрывать с нею, но Ринарет в зависимости от настроения или грубо прерывала эти поползновения, или поднимала поклонника на смех, подбирая ему какое-нибудь обидное прозвище. Трудно было представить её нежной, чувственной любовницей, которая не скупится на жаркие поцелуи и волнующие ласки. Но Келлард теперь знал, что она может быть и такой. И это совершенно точно не привиделось ему в пьяном бреду. Он отчётливо помнил её прерывистое дыхание и стоны, жалобный скрип кровати, сверкающие золотом колечки в её груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.